

СЕРГЕЙ МУРАШЕВ

Проза Русского Севера

В подарок моим детям

Проза Русского Севера

Сергей Мурашев

В подарок моим детям

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Мурашев С. А.

В подарок моим детям / С. А. Мурашев — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Проза Русского Севера)

ISBN 978-5-4484-5500-1

В новой книге лауреата литературной премии имени В. Распутина писателя Сергея Мурашева представлены несколько произведений. «В подарок моим детям» — повесть-воспоминание о детстве, которое прошло в деревнях Малая Липовка и Михайловка Архангельской области: охотничьи и пастушьи истории, школьные приключения, рождественские колядки, «заламывание» домов на Святки и многое другое, что связано с воспоминаниями об отце. Дополняет книгу рассказ «Полёт в космос» — история о двух мальчиках (деревенском и городском), которые отправились на рыбалку и чуть не угодили в руки бандитов. В завершение — цикл коротких автобиографических рассказов «Как я вырос», наполненных впечатлениями о школьных годах.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5500-1

© Мурашев С. А., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

В подарок моим детям	6
Валова	6
Майская Поляна	8
На лыжах	9
Рыбалка	12
Баллончик	19
На Старой Речке	21
В Михайловке	22
Поездом	28
Из-подо льда	31
Кукино	37
Первая	39
На плотиках	40
Берёзовый сок	41
За Кукино	43
Охота	47
На крота	50
На ближайших ручьях	53
Открытие	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Мурашев

В подарок моим детям

© Мурашев С. А., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

В подарок моим детям Повесть в рассказах

Валова

Родная деревня *Малая Липовка* звучит как *малая родина*. Она не стоит на берегу реки. До нашей Пуи километра полтора. Но с одной стороны Липовки текут ручьи Валова и Мухин Лог, а с другой – Кукино. Мухин Лог и Кукино впадают в Валову. Валова – в Пую. Пуя – в Вагу, Вага в Северную Двину. А Двина – в Белое море.

Ручей Валова – река моего детства. Помню, как мы спускаемся к Валове с мамой и отцом полоскать бельё. Гора длинная, вся в разнотравье. Отец тащит на плече огромную гольтинницу¹ с бельём, а мы с мамой идём следом. Бельё только что постирано, видимо, ещё не обтекло. Поэтому с гольтинницы капает, иногда бежит струйкой. Отцовский пиджак на плечах и до середины спины потемнел от воды. Тропинка изрыта копытами коров, около ручья пахнет сырой болотистой землёй, травой багулой², комаров становится больше. Я отмахиваюсь от них, но мне так интересно, что комары нипочём. В ручье сделана запруда из камней, чтобы поднять воду. Камни на запруде кое-где покрыты зелёным мхом. Перед запрудой доска и шест с берега до берега. Доска почти на уровне воды, а шест поднят на полметра. На него будут вешать прополосканное бельё обтекать. Отец опустил на доску корзину, мама встала рядом, поплескала на шест, чтобы смыть, если есть, грязь, и принялась полоскать. Вода чуть замутилась белым мылом. Я пошёл посмотреть, куда она бежит, и тут же увидел меев³. Они, заметив меня, быстро спрятались под камень, а поверх камня, как лёгкие облака в небе, пошла полупрозрачная мыльная вода, с каждой секундой своего плаванья становящаяся всё прозрачнее...

Весной Валова разливается, бурлит, шумит. Спустишься к ней, стоишь и смотришь на убегающую мутную воду с пузырями и пеной. Подтопленные деревья и кусты кажутся удивленно-сконфуженными, словно их неожиданно выставили напоказ в неубранном виде. Снега на полях уже нет, а в лесу и здесь, в низинке, он ещё кое-где белеет. У ручья воздух свежее и неожиданно холодный. Сколько всего связано с Валовой – не перевспоминать.

Мой брат со своим другом во время разлива несколько раз даже сплавлялись по Валове на камере от тракторного колеса, словно по горной реке, и каждый раз возвращались мокрыми. На Валове стояла крытая полоскальня: небольшая запрудка и сколоченный из досок сарайчик над ней. Помню, как я напугал своих дружков, осторожно обойдя полоскальню по камням и резко выкинув руку в дыру, оставленную для ручья.

На Валове я ставил капканы на норок. Шалашик для этого делал очень хороший, но почему-то у отца норки до этого попадали, а у меня не стали. Я доставал из капканов водяных мелких крыс, птиц, но никакого пушного зверя так на Валове и не поймал. Отец говорил, что мне если даже попадёт кто-нибудь, то всё равно вырвется.

Брату моему Андрюхе почему-то везло. Поставит капкан кое-как и поймает хорька. Бывало, хорёк оторвёт вязку и уйдёт. Мы с братом долго тогда ищем его по следу. Брат ставил по-простому: делал маленький шалашик, ставил капкан и над капканом вешал приманку. Однажды на ручье Кукино я так безо всяких хитростей поставил капкан. Даже шалашик не

¹ Корзина, сплётённая из тонких длинных сосновых щепок одинаковой ширины. Бывают большие двуручные гольтинницы для разных хозяйственных нужд, бывают с одной ручкой, относительно небольшие, для сбора грибов.

² Таволга вязолистная.

³ Небольшие рыбки с палец длиной, без чешуи.

делал. Просто повесил приманку на проволоке, а под ней капкан. Удивительное дело – но попал горностай. Его принёс брат. Горностай примёрз ко льду боком, и брат дёрнул его, часть шерсти осталась, а надо было бы оттаять кипятком.

На Валове мы ловили на удочки меев и нючей⁴. Иногда идёшь с Пуи с рыбалки, но почти ничего не поймал, а на Валове около мостика огромные мейвы плавают. Удочка длинная, на неё ловить смысла нет, поэтому удилице положишь на землю и кидаешь в ручей леску с наживкой. С мостика всё видно: как мейвы нападают на червяка, как блестит оголившийся крючок, – и особенное удовольствие вытянуть леску с рыбой прямо руками.

На Валове мы кололи рыбу столовыми вилками. Прикручивали вилку к палке алюминиевой проволокой. Как станет темно, зажжём фонарики и давай высвечивать меев и нючей в воде. В круге света рыба кажется какой-то особенной. Она стоит на месте, вроде как спит, а иная и хвостом пошевеливает, но понять не может, откуда свет. Фонарик чуть отведёшь в сторону, чтоб не спугнуть рыбок, нацелишься вилкой и колешь. Когда удачно, а когда и мимо. Один раз нам удалось заколоть несколько карасей и сорожин. Просто у одного мужика около ручья была выкопана яма экскаватором. В яму, конечно, набралась вода, и мужик отпускал в неё разную мелкую рыбу живьём. Как-то ручей промыл перешеек, отделяющий его от ямы, и много мелочи ушло. Вот её мы и кололи. Одна беда была в нашей ночной рыбалке: большие цилиндрические и квадратные батарейки в фонариках быстро разряжались и лампочки тухли. Наверно, к огорчению наших родителей. Мы осторожно мяли батарейки, меняли их местами. Да что толку!

⁴ Рыбка с палец длиной, тёмная, с усиками (в отличие от мейвы) и без чешуи.

Майская Поляна

Майская поляна находилась за Валовой, прямо напротив деревни. Перейдёшь ручей по камням, чтобы кеды не замочить. Метров пятьдесят по тропинке через ольшинник и березняк, и вот она – Майская поляна. Размером с футбольное поле и тоже прямоугольная. С одной стороны – березняк, с другой – молодой сосняк. Почему-то все деревенские ребята ходили на эту поляну ловить майских жуков, потому она, наверно, Майской и называлась.

Мы собирались в каком-нибудь одном месте поляны, садились на траву и ждали. Солнце уже почти зашло, но светло. Главное, тепло и пахнет весенней свежестью, чувствуется, как всё вокруг, полное молодой энергии, старается расти. Мы сидим молча и, кажется, даже дыхание затаили, слушая и чувствуя эту свежесть и энергию. И вдруг откуда-то неожиданно появляется майский жук, гудит. Мы срываемся, бежим за ним, машем кепками и снятыми рубашками, кидаем ему их вдогонку, но всё безрезультатно. Снова собираемся в кучу и снова слушаем. Наконец, на пятый или шестой раз, жука удаётся сбить. Но как его теперь найти в траве? Все замирают и ждут. Кажется, что время замерло, ещё немного – и уже не сможешь стоять в этом напряжении. Наконец слышится недовольное жужжание медленно, неловко поднимающегося над травой жука. Он ещё не отошёл от падения. Вот в этот момент и надо не зевать. Обычно кому-нибудь удаётся поймать долгожданного майского. Счастливчик осторожно показывает жука всем ребятам, потом прячет его в спичечный коробок. Приложишь его к уху – и слышно, как жук скребётся. Сейчас это кажется жестоким, а тогда, в детстве, считалось вполне нормальным. За вечер каждому удавалось поймать жука, а то и не одного.

Ночи светлые, всё видать. Но всё равно возвращаешься с Майской поляны словно по какому-то особенному, неведомому миру. Может, потому, что по земле лёгкий туман. И даже не в тумане дело. Кажется, что всё вокруг светится, подпушено приглушённым светом. Недаром ночи эти белыми называются.

Почти всех майских жуков выпускали в ту же ночь около домов, показав свою добычу матерям, младшим братьям и сёстрам. Редко кто оставлял жука до утра, ведь на следующий день снова можно будет пойти на Майскую поляну и поймать нового.

Однажды, уже когда учился в старших классах, на одном из болот я увидел майского жука поздно осенью. Он сидел на тоненькой веточке багульника как живой и, казалось, вот-вот раскроет крылья и полетит. Но он был уже замёрзший. Не мог же этот жук сидеть на веточке с весны. И почему он вылез осенью? Что-то перепутал? Показалось ему, что началась весна?

На лыжах

Зимой вокруг Майской поляны проходила школьная лыжня (маленький круг). Чтобы пробежать три километра, надо сделать два больших круга, а чтобы пробежать два километра – один большой и один маленький (по Майской поляне). Сил оставалось уже немного. Надо было после большого круга нырнуть с одного крутого берега Валовы и сразу выскочить на другой. Подняться по лыжне до поляны. На саму поляну приходилось забираться в небольшую горوشку «ёлочкой». Потом вдоль по сосняку. Вывернуть кружок – и обратно через Валову. На финише ждала учительница.

Лыжню мы прокладывали, вернее, натаптывали сами. Часть ребят проходила по самой лыжне, часть – по тому месту, где будут упираться палками. Одной лыжей шли по лыжне, а второй готовили место для палок.

Лыжня петляла прямо по лесу. Иногда пробиралась в совсем узкий проход между деревьями, такой узкий, что приходилось в него пролезать, прижав руки с палками к груди. В одном месте была болотина, где к концу марта чёрная грязь, которая на солнышке оттаивала скорее, подбиралась к лыжне, оставляя от неё только узенький, натоптанный за зиму мостик. Упадёшь с этого мостика в грязь – беда – сам извозишься, а лыжи совсем не пойдут.

Самой «интересной» была физкультура сразу после снегопада или метели. Первому спортсмену приходилось торить лыжню, иногда сбиваясь и прокладывая новодел.

Местность у нас холмистая, так что с горок я накатался вдоволь. Помню одну гору в лесу, которая тянулась, переходя от крутой в пологую и обратно, не меньше километра.

Бегали мы на лыжах, конечно, не только на физкультуре и соревнованиях, но почти каждый день. Что только не вытворяли! Ходили по засыпанным снегом крышам сараев. При этом делали акробатические трюки, перелезая с одной крыши на другую. Прыгали с трамплинов. Катались с почти отвесной горы на карьере, когда чувствовалось, что ты буквально падаешь. Лыжи в момент перехода из почти вертикального положения в горизонтальное едва не ломались, и появлялось ощущение невесомости. Один раз я скатился к Валове от самой деревни и так разогнался, что перелетел трёхметровый ручей с одного берега на другой.

Лыжи, конечно, иногда ломались. Я поломал две пары беговых лыж. Но ещё в начальных классах. Лыжи были деревянные, на валенках. Одни поломал крепко⁵. Катался всё к той же Валове, только с другой её стороны, по полю. День морозный, лицо щиплет. Лыжня словно железная, посередке несколько огромных ям (видимо, до этого, пока лыжня не затвердела, кто-то упал). Ямы я увидел, уже когда нёсся на полной скорости, сощутив глаза от яркого солнца и холодного ветра. Из глубокой лыжни выскочить не сумел. Как упал, ничего не помню. Одна лыжа переломана в нескольких местах, кисть левой руки не двигается. Я подобрал ушанку, лыжные палки и уцелевшую лыжу и пешком по тракторной дороге, по которой недавно вывозили сено, пошёл в деревню, напрямик к маме на работу в совхозную контору. Только подходя к конторе, я понял, почему у меня не двигается кисть левой руки. Из запястья торчала щепка от лыжи где-то с мизинца. Она проткнула кожу и под кожей прошла сантиметра четыре вдоль по руке, заклинила сухожилия, которые двигали кисть. Крови почему-то не было. Я назвал её вслух занозой. Рядом торчала ещё одна, маленькая. Я выдернул их и так обрадовался, что рука стала двигаться, что забыл о сломанной лыже. Мама меня не стала ругать и отправила домой.

Второй раз я сломал лыжи не серьёзно: просто врезался в забор и отломил кончик. Но благодаря этому случаю катание моё на беговых лыжах качественно изменилось.

⁵ Очень сильно.

Отца дома не было. Он ушёл в лес к ночам⁶, и починить лыжи никто не мог. На следующий день перед уроком физкультуры я рассказал учительнице о своей беде.

– Ну ладно, – улыбнулась она, – я тебе школьные дам, на ботинках.

Ботинки велики. Лыжи деревянные, все истёртые. Но на улицу я их выносил с особой осторожностью, так как таких лыж в школе было всего несколько пар. Казалось, что я не иначе в космос лететь собираюсь. Учительница сказала, что нельзя, чтоб в дырочки на ботинках набился снег, и надо, чтобы дырочки точно угодили на штырьки креплений. Помню, надевая лыжи, словно перед долгой дорогой, я сел на школьное крыльцо. Несколько минут сосредоточенно вставлял ботинки в крепления, и всё мне казалось, что не попадаю на штырьки. Зажать крепления помогла учительница. Она, видимо, уже устала ждать.

Лыжи не поехали сами собой, но ощущения были совсем другие. Ботинки, когда я снимал их, пахли особенно, намокшей кожей.

Отец охотился несколько дней, и ломаные лыжи сиротливо стояли в холодном коридоре, приткнувшись друг к другу носами (одним целым, а другим сломанным), словно сандалии какого-нибудь застенчивого паренька при разговоре. Придя в следующий раз на физкультуру, я снова попросил школьные лыжи на ботинках. Честно говоря, мне уже казалось, что мои, на валенках, безвозвратно потеряны и я всегда буду ходить на школьных, которые намного удобнее и на которых так ловко поворачивать. Но учительница сказала в конце урока:

– В следующий раз свои приноси.

В субботу отец, ещё не успевший побриться после охоты, заросший чёрной щетиной, сидя на полу около печки, приладил с помощью жести от консервной банки конец к моей лыже. После такой операции лыжа, закованная на сгибе в металлическую броню, разрешила снег как ледокол, а, когда катишься с горки по дороге, ещё и шубурчала по-особенному. Но я уже оценил, что такое лыжи на ботинках, и, видимо, неосознанно мечтал о них. И вот вскоре родители купили мне лыжи на ботинках. Деревянные, довольно широкие, жёлтые с зелёным. Назывались они «Турист». Отец сам прикрепил металлические крепления, сам провертел в ботинках отверстия под штырьки. Лыжи, правда, были два метра длиной. Но это несколько меня не смущало, тем более что никакого конькового хода мы ещё тогда не знали, а для классического – длинные лыжи даже лучше. На «Туристах» я спокойно пробегал до пятого класса. А потом появились полупластиковые лыжи (в магазинах). Учительница посоветовала купить:

– Конечно, они лучше.

Вечером мы с мамой пошли в наш сельповский магазин. Было уже темно. Магазины небольшие. Рублен из лафета. Пониже обычной избы, зато длиннее и с двумя крыльцами. С одного крыльца, видимо, магазин, а с другого – склад. Лыжи снова двухметровые, дорогие, но мама мне их купила. А вот креплений подходящих не оказалось. Пришлось ехать за ними в Вельск.

К полупластиковым лыжам не сразу удалось привыкнуть. Хотя они ехали быстрее, но зато ехали и вперёд, и назад. Замучила отдача. В горки (которых у нас очень много) я взбирался с большим трудом, крепко упираясь палками. Болели руки. Я приходил на физкультуру то на деревянных лыжах, то на полупластиковых. Но месяца через два привык, особенно когда узнал секрет, что надо мазать под колодкой мазью на отдачу. Мазь эту мы покупали в том же магазине. Она продавалась в наборе: шесть брусочков мази, завернутых в фольгу и бумагу. Каждый брусочек соответствовал определённому температурному режиму от +2 до –30. Мази отличались по цвету: самая «тёплая» – розовая, самая «холодная» – чёрная. Нас интересовали только брусочки розовой мази – именно ими надо было смазывать лыжи под колодкой. За школьное время мы с братом накопили штук пять наборов с выбранной из них розовой мазью. Все остальные бруски оставались нетронутыми.

⁶ На охоту на несколько дней с ночёвками в лесных избушках.

Кроме лыж нам нужны были и хорошие лыжные палки. Помню, замечательные лыжные палки нам купили в Архангельске. До этого были алюминиевые, довольно тяжёлые. Кружки, упирающиеся в снег, всегда ломались. Новые палки оказались в два раза легче (из какого-то другого сплава). Ручки и кружки красного цвета. Пластик на кружках одновременно крепкий и гибкий, поэтому не ломался. И ни у кого таких не было. Мы долго бегали с этими палками. Потом ходили с ними на охоту. В лес, на рыбалку, на охоту брали только одну лыжную палку, чтоб при подъёме в гору, где надо, упереться, где надо – сбить снег с нависшего над лыжнёй дерева, попробовать на плотность и свежесть лосиный след. А вторая рука у охотника всегда свободна – надо успеть вовремя скинуть ружьё. Поэтому лыжные палки потеряли свои пары, разошлись по разным местам и знакомым, а потом и вовсе пропали. Поэтому вдвойне было удивительно лет через пятнадцать найти одну из палок у деда, который продолжал ей пользоваться, когда ходил на зимнюю рыбалку. Правда, у палки уже обломалось кольцо.

Во время учёбы в нашей Липовской школе мы даже один раз ездили в Вельск на соревнования. В команду отобрали и меня, и брата. До районного городка Вельска сто километров. Водитель нашего школьного автобуса ездил медленно (как и положено водить школьный автобус), поэтому мы опоздали к началу соревнований. Я ещё немного задержался в салоне. Слышу, мне кричат:

– Мурашев! Мурашев!

Я схватил лыжи, палки и бегом туда, откуда кричали. Народу много. Учительница:

– Скорей! Скорей!

Я на ходу цепляю лыжи.

– Мурашев Андрей, подготовиться.

И только я подъехал к линии старта, судья уже махнул рукой. Со мной стартовал небольшого роста парень. Он по одной лыжне, я по другой. Сильно толкаясь палками, я ушёл вперёд. Метров через двести лыжня повернула вправо и пошла в гору. Наполовину поднявшись в неё, я вдруг заметил, что меня никто не догоняет. Тогда я приостановился. Наконец появился мой соперник, он почему-то был довольно высоким и шёл коньковым ходом.

– Куда бежать-то? – спросил я у парня.

– А ты на сколько бежишь?

– На три.

– А это на пять.

Что было делать? Вернулся обратно, и в протоколе записали, что я сошёл с дистанции под именем моего младшего брата Андрея. Как оказалось позже, когда учительница диктовала по телефону членов команды, организаторы посчитали, что она случайно повторила два раза одного и того же участника. Так что меня в списках вообще не было. Надеюсь на то, что я что-нибудь выиграю (всё-таки я старше), учительница поставила меня под своей фамилией. Брат бежал за кого-то другого, кто не поехал. К сожалению, из нашей команды особо отличившихся не оказалось (кроме меня, конечно). Так закончились мои самые большие лыжные соревнования.

Рыбалка

Одним из любимых мест нашей рыбалки на реке Пуе был День Песен, то место, где Валова впадает в речку. Начинали приходиться туда ещё ранней весной. Пуя – большая, глубокая, тёмная – несла свои воды мимо нас. Все кусты обвешаны прошлогодней наносной травой, которую приволокло половодьем. По этим пучкам травы понятно, какой большой была вода, выше наших голов. Некоторые кусты поранены льдом. Только-только распускаются первые листочки. Листопрошиб. Солнце палит, стараясь дать силы всему живому и даже неживому. На солнце хорошо, а от реки прохлада. Здесь, около Валовы, есть небольшой залойчик⁷. Видимо, часть давнишнего староречья. Вода в нём прогревается быстрее. Именно сюда, в залой, набиваются с быстрины мейвы. А мы, несколько человек, окружаем залой и ловим этих жадных до корма рыбок. Иногда кто-нибудь оторвёт крючок, а запасного нет. Возьмёт скрепку от тетради, кое-как привяжет. Смотришь: нет-нет и ему удаётся вытащить рыбку.

Мейвы были двух видов: краснопёрки и обычные. Когда вода чуть спадёт, становится видно, как клюют мейвы. Краснопёрки хватили червя резко, азартно, они были яркие, в момент поклёвки словно загорались на солнышке. Обычные мейвы походили на мойву из магазина. В залое чаще клевали именно они, а краснопёрки брали уже потом, когда спадёт вода, прямо на течении. Там же, на течении, став старше, мы ловили ельцов, пескарей и хариусов.

День Песен, День Песен... Раньше здесь на двух берегах Валовы проводили такой праздник: День песен. Маленьким я пару раз застал эти широкие гулянья. Народу набиралось много. Были сколочены дощатые прилавки, с которых торговало местное сельпо. На бугорке над Валовой оборудовали лавочки для зрителей и проходил концерт. Помню, я на своём первом велосипеде «Уралец» во время праздника хотел переехать по узкому пешеходному мостику через Валову. Но как раз в это время навстречу пошла девчонка с открытой бутылкой лимонада в правой руке. Я хотел её объехать. Девчонка отскочила в ту же сторону, куда я направил велосипед. Из бутылки с пеной плеснулся лимонад, а мне пришлось полететь с мостика прямо в ручей. Благо высота всего около метра. Под мостиком оказалось мелко, и я только немного замочил одежду. А летом это не страшно. Помню, что очки мои слетели с носа. Я испугался, что они разбились, стал шарить рукой по камешнику. Вдруг вижу: очки, совершенно целые, лежат на плоском гладком камне прямо в воде – и дужки аккуратно сложены. Я поднял их осторожно, будто уж это не мои очки, а какие-то особенные. Надел их прямо мокрыми, по стеклам сбегала вода. И только тогда обернулся и стал подниматься. Девчонка с лимонадом давно ушла, словно она мне показалась. Я выпрямил руль велосипеда, выбрался на дорожку и покатил дальше. Никто и не видел, как я упал, все были на концерте.

Вскоре праздник День песен перестали проводить. Осталось только название места да сколоченные прилавки и низенькие, вкопанные в землю лавочки. Со временем они стали гнить, и старшие ребята сожгли лавочки на костре.

Вдоль по Валове шёл забор из шестиметровых досок, протянутых вдоль. Он огораживал место для пастбы коров. Речку этот забор переходил струнами алюминиевых проводов. На другом берегу пастбище продолжалось, а реку перегораживали, чтоб коровы в этом месте не вышли, не выплыли. Натянутые течением алюминиевые провода всегда останавливали и цепляли на себя наносную траву. Иногда к ним прибивало какую-нибудь ветку или корягу. Нередко висел на проводах чей-нибудь поплавок. И я всегда удивлялся, как они не лопнут. А сквозь них бежала и бежала, побулькивая, вода, а может, это они бежали вверх по течению, разрезая воду. Именно здесь, в нескольких метрах от этих проводов и места впадения Валовы, я ловил своих первых налимов на донки.

⁷ Залой – заполненная водой низина, соединённая с рекой.

Однажды я подцепил крючком удочки леску, вытянувшуюся вдоль по берегу. На вид она казалась старой, словно зеленоватой, вся в тине. На одном конце лески крючок и гайка, другой конец привязан к кусту где-то в метре от кромки воды. Это была донка. Так мне сказал мой одноклассник и заядлый рыбак Мишка. Казалось, что в воде донка ещё с прошлого года.

– А давай её поставим, – предложил Мишка.

– Давай! А как?

Мы поймали мейву, насадили её на крючок за «затылок» – самое крепкое место. Потом закинули донку в речку.

Донка была признана моей, так как я её выловил. По детской простоте я почему-то поверил, что донка ничья и потерянная.

На другой день на донку попал довольно большой, около килограмма, налим. Со светло-жёлтым пузом, пятнистый, слизкий. Сам толстый, а хвост вдруг резко сужается.

Мы наживили донку снова. То и дело бегали её проверять, немного приподняв леску, старались почувствовать: не тянет ли? Но никто не тянул. Сколько разговоров было в тот день, разных планов и предположений! Мы не заметили, как подошли старшие ребята. Я показал им свой улов. Налим, положенный в полевую сумку, казался меньше, чем в тот момент, когда я его выводил за леску. Один из ребят стал расспрашивать, как и где я его поймал. А потом взял моего налима и швырнул на середину реки. Он шлёпнулся в воду, показался напоследок своим жёлтым брюхом и пропал в волнах перебора.

Я повернулся к парню.

– Это Колина донка, – сказал он с хрипотцой в голосе, словно сам уже расстраивался, что выкинул налима и ему было жалко такой красивой рыбины.

Нас не ругали, не били. Я догадался, что та донка на самом деле чужая, только давно не проверенная. Мне стало стыдно. И я вдруг понял, что можно, а что нельзя, что правильно, а что нет. Словно донка при забросе, на секунду разрезав воду, отделила одно от другого.

Но рыбалка на донки уже захватила нас. На другой день мы с Мишкой, как сговорившись, принесли свои самодельные донки. Правда, у меня не было подходящей лески, и я нашёл только какую-то уж совсем толстую и грубую. Для кого она была куплена? Тогда мне казалось – для кита. Леска оказалась настолько грубой, что висела растянутой пружиной и не распрямлялась даже от тяжёлой гайки.

Мы вырезали складными ножами небольшие колышки, заостряли их. Привязав крепче свободный конец донки к колышку, втыкали его в дно так, чтоб не было видно. Маскировали леску, чтоб никто не заметил и не проверил. Правда, мою леску маскировать было бесполезно: она и в воде шла витками.

У Мишки закидывать получалось плохо. Он часто не мог забросить на нужное расстояние или швырял вдоль по берегу. Я же закидывал точно на длину лески. И самое главное, не перебарщивал. Если кинуть слишком сильно, то наживка оборвётся с крючка и донка будет стоять впустую. По паре налимов мы с Мишкой в том году поймали. Зато к следующей весне стали готовиться заранее, особенно я.

Бабушка каждый год ездила в Архангельск. Она взяла меня с собой, и там, в Архангельске, в одном магазине, за стеклённой витриной я увидел уже готовые донки. Леска средней толщины, мягкая, гибкая. Крючок одинарный, но нормальный, довольно порядочное грузило из свинца. Леска намотана на пластиковые мотовильца. Бабушка купила мне три штуки. Позже оказалось, что леска на мотовильцах очень длинная, и я сделал из каждой донки ещё по одной, снабдив их крючками и гайками. После этого, когда мы ездили с бабушкой в Архангельск, всегда заглядывали в заветный магазин за донками. Это был обычный хозяйственный магазин, где маленький уголок уделялся рыболовным снастям. Самое интересное, что больше нигде я не мог найти таких донок. По крайней мере, в нашем Вельске. Удивительно было и то, что

рядом с этим магазином располагался продовольственный, в котором торговали замороженными куропатками прямо с перьями.

Школьниками налимов мы ловили каждую весну. Первый раз приходили, как только в залое начинали клевать мейвы. Вода ещё большая. Река казалась тёмной и холодной. Она как-то величественно, полногрудо и грозно несла свои воды мимо. Пахло оттаявшей землёй. Под ногами чавкала грязь от недавних ручейков. Мы закидывали донки, но налимы не попадали. Может, оттого, что донки сносило, а налимы держались на определённом расстоянии от берега. Наконец вода спадала. На переборах показывались волны, обозначая, что в тех местах мелко. Донки уже не сносило. Налимы брали довольно часто, но не всякий раз удавалось вытащить рыбину на берег. Иной раз налимом забирался под какой-нибудь камень, а вытащить его оттуда или просто снять зацеп издали, с берега, сложно. Мы дёргали леску под разным углом, заходили для этого то выше, то ниже по течению. Иногда удавалось вытащить налима, а иногда леска обрывалась. Тогда приходилось снимать обездоленную донку и дома приводить в порядок, привязав новый крючок и гайку.

Однажды мне вместо налима попала щука килограмма на полтора. Когда я пришёл проверять донки, то увидел, что одна утащена вверх по течению. Когда я поднял из воды натянутую струной леску, оказалось, что донка зацеплена⁸. Долго бился, чтоб снять зацеп: ослаблял и снова натягивал леску, переходил по берегу с места на место, подолгу сидел на корточках, не предпринимая ничего, надеясь, что как-то само отцепит.

Обрывать донку совсем не хотелось. Метрах в трёх-четырёх от берега в реке виднелся большой камень, его макушка вот-вот должна была показаться из воды, чтоб обсыхать на солнышке. Я забрёл в речку, сколько позволяли сапоги, и прыгнул на камень. Камень был не скользкий (летом он лежал практически на берегу, не обрастал водорослями), и я удержался на его спине, не ухнув в холодную весеннюю воду. Я долго дёргал леску с камня, результат был таким же, как и до этого. Леска, натянутая струной, звенела, резала воду, когда я перехватывал её из одной руки в другую. Река играла что-то своё на этой натянутой струне, и, когда я замирал на несколько секунд в бессилии, пальцы мои чувствовали вибрацию, передаваемую рекой леске. Наконец я поднял руки вверх насколько мог, приподнялся на цыпочки и стал дёргать. Я уже решил дёрнуть со всей силы и, скорей всего, оторвать. Как вдруг почувствовал, что напряжение лески ослабло, а там, на крючке, есть рыбина. Она уже даже показалась у поверхности мутноватой весенней воды. И почему-то мне почудилось, что это огромный налимом. Да я и ждал налима! Как я спрыгнул с камня и оказался на берегу, я не помнил. Удивительно то, что в сапоги совсем не зачерпнул. Моментально выбрал леску, и вот уже рыбина на берегу. Щука. И как я мог ошибиться, приняв её за налима... Увидев мою удачу, ко мне подошёл брат, потом Мишка. Я приподнял щуку на леске, и леска, видимо, повреждённая зубами, тут же лопнула. Когда вынимали крючок, оказалось, что в пасти щуки захвачено три маленьких миноги. Таких длинных, как черви, рыб я ещё никогда не видел. Да и никто из нас. И откуда эта хищница принесла показать нам миног?

Помню, когда я учился в десятом классе в районном городе и домой приезжал только на выходные, мне очень захотелось снова половить налимов. Несколько меев я добыл на ручье Кукино около пожарного водохранилища (в Пуе они тогда ещё не клевали). Вода на реке большая. Но меня это не остановило, я закинул донки в самых уловистых местах. За ночь вода в реке резко упала. Когда я пришёл проверять свои коротенькие в этот раз донки, оказалось, что они полностью лежат на берегу. Такой неровный зигзаг лески, а в конце гайка и крючок. Я снял донки и больше налимов не ловил.

Весенняя рыбалка на налимов плавно перетекала у нас в рыбалку на хариусов. Повзрослев, мы стали ходить шире и вверх и вниз по течению. Но излюбленным местом всех ребят

⁸ Обычно так говорят, когда снасть зацепилась за дно водоёма (камень, траву и т. д.) крючком или грузилом.

был пережат, тянувшийся сразу после впадения в Пую небольшой, но быстрой реки Леменьги. Впадала она между деревнями Леменьга и Залеменьга. Всё просто в названиях: одна деревня стоит на реке, а другая – за рекой.

Об этом хариусном месте я узнал всё от того же моего товарища Мишки, который сам жил в Залеменьге. Ловил хариусов сосед Мишки Коля, парень на несколько лет старше нас. Он взял Мишку с собой. Мишка рассказал мне об этом в школе, рассказал, что поймал несколько хариусов и завтра таскать меев не пойдёт. Хариусов! Поймал хариусов.

Я знал, что они пойдут к Леменьге, знал, как идти туда, но ни разу там не был.

Никакой речи о ловле меев уже и быть не могло. Сразу после школы, прямо не переодеваясь, я снял с забора своё новое сосновое удилище, положенное вдоль по жердине⁹, и осмотрел его. За этим удилищем я сам ездил за десять километров на бор в то место, где много вытянулось тонких сосенок. Помню, поторопился окорить. Привязал к раме велосипеда. И вёз осторожно – светлое, пахучее, липучее. Ехал, марая смолкой штаны. Радостный, раскрасневшийся, весь пропахший этой смолкой. Дома, уже по темноте, по холодку, который особенно студил взмокшую спину, привязал удилище к жердине забора на проволоку. Специально притянул покрепче в нескольких местах, чтоб его не извело¹⁰, чтоб оно высохло таким же стройным, как росло.

И вот наконец удилище мне понадобилось. Я привязал к нему леску, поплавок, грузило и крючок. Забежал домой, переделся. Выпил два больших бокала молока с белым пахучим хлебом и отправился к устью Леменьги.

Денёк стоял тёплый, ласковый. Я вспомнил, что таким же тёплым было парное молоко из-под коровы. Вспомнил, что у нас на днях отелилась корова, и мама пока доит её три раза в день вместо двух. От этого стало совсем хорошо.

По своей деревне и до поворота на День Песен мне всё было знакомо, и дошёл я довольно быстро. А дальше началась Залеменьга. Местные собаки меня не знали, набежали, залаяли. Я стоял и не решался идти дальше. А собаки, наверно, боялись меня с такой огромной палкой. Пришлось вернуться и пойти ловить меев на День Песен. Но это совсем не радовало. Я всё смотрел вниз по течению реки. Где-то там впадает Леменьга, там хариусы. Всё во мне рвалось туда. И я решился идти к Леменьге вдоль берега. Кое-где приходилось преодолевать сырые заболоченные места, пробираться сквозь кусты. С новым длинным удилищем это было непросто. До Леменьги я добрался только перед самой темнотой. Коля с Мишкой уже, конечно, ловили там. Но, как я понял позже, пришли они не очень давно, так как хариусы активно клевали на самом закате, и раньше приходило смысла не было.

Леменьга впадает в Пую двумя протоками. Одна основная, собственно русло. Вторая состоит из двух ручейков. Между основным руслом и ручейками – островок, прижавшийся самым высоким своим местом к Пуе. Весной по большой воде ручейки маленькой протоки постепенно становятся полноценной рекой, которая, почуяв свою силу, заливаает островок вовсе. И будто не было его тут. Будто всегда Леменьга широкая и полноводная текла безо всякой преграды. Но вот снеговая большая вода спадёт, убежав в море. И начинает появляться островок. Сначала только одной макушкой своей. Гладкой, мокрой и совсем без травы. Кажется, что это спина огромной рыбы, которая собирается нырнуть в глубину, ударив хвостом. Вот на этой спине и стояли Коля с Мишкой.

Перебраться на островок не было никакой возможности. Я бродил по берегу, закидывал удочку, но ничего не клевало. Из-за надвигающейся темноты, из-за тумана плохо видно, что

⁹ Жердина – жердь, окорённый и высушенный ствол тонкого длинного дерева. В данном случае к двум жердинам, прибитым к вкопанным в землю столбам, приколачивали штакетины забора. В хозяйстве использовали сосновые, еловые и, реже, осиновые жердины. Сейчас вместо жердин прибывают длинные деревянные бруски, изготовленные на пилораме.

¹⁰ При высыхании древесину изводит. Она может выгнуться, вывернуться винтом. Поэтому, например, доски укладывают аккуратно и на поперечные прокладки, положив их через каждый метр-полтора.

делается на островке. Наконец Коля побрёл через Леменьгу к берегу. Мишка сидел у него на кукрах¹¹. Бродни Коли едва не заливало водой, бьющей в голенища. Когда он перенёс Мишку, снова пошёл на островок за рыбой и удочками. Мишка тоже в броднях. На нём шерстяная шапка, шерстяной свитер, рыбацкая брезентовая куртка. А я был только в рубашке и лёгком пиджаке и уже постукивал зубами от холода. Но не уходил, хотелось увидеть улов. Мишка смотрел на меня смущённо. То ли оттого, что они не перенесли меня на остров, то ли оттого, что он рассказал мне чужой секрет про хариусное место, и теперь ему было неловко перед Колей.

Наконец Коля принёс Мишкин улов. В маленьком бидончике плавало три хариуска. Всего лишь раза в два больше меев. Позже мы всегда таких отпускали. Но тогда отпустить их было нельзя – это были первые пойманные хариусы.

Ребята быстро собрались и ушли. Я тоже поплёлся домой. На этот раз прошёл деревней, не обращая внимания на собак. До самого дома так и не согрелся, сильно устал. Только гордость заставляла нести тяжёлую удочку, а не скинуть её на землю и тащить волоком.

Во всех окнах нашего дома горел красноватый свет. Мама и бабушка уже волновались за меня. Бабушка напекла шанег. Они были ещё тёплые.

Я поел, напился чаю с шаньгами. Мне стало тепло и хорошо. Засыпая на ходу, я едва добрался до постели.

Назавтра после школы меня успели «поймать» и не отпустили на рыбалку. Попал я на устье Леменьги только через несколько дней. Вода за это время сильно упала, остров стал довольно широким. Кое-где маленькая протока уже делилась на два ручья. Я понял, что в этих местах можно попробовать перебраться на остров. Так я и сделал. Чтоб было вернее, притащил и кинул в протоку несколько больших камней – устроил себе бродик. Правда, перебираясь, всё равно зачерпнул один сапог.

Оказавшись на острове, не обращая внимания на хлюпанье в сапоге, сразу же закинул удочку. Но никто не клюнул. Я вылил воду из сапога, выжал носок и после долго закидывал удочку. Течение раз за разом стремительно проносило поплавок мимо острова. Вдоль кромки воды лежал мокрый гладкий-гладкий песок, по которому никто ещё не ходил, и я был первым.

Мне так и не клюнуло. Раздосадованный своей неудачей, перебираясь обратно на большую землю, я зачерпнул и второй сапог.

Позже, когда стал старше, я выловил у этого острова много хариусов.

Место впадения Леменьги в Пую стало любимым у всех ребят-рыбаков. Отсюда редко удавалось уйти без улова. Видимо, Леменьга вместе со своими водами приносила много корма, и рыба здесь держалась. Иногда остров оккупировало до десятка ребят. Мы ловили через удочки друг друга, поплавок заплывал за поплавок, лески путались. Но никто и не собирался уходить в другое место. Часто человека два стояли в воде (где-нибудь на отмели или на заветном камешке). Стояли не только в сапогах, но и прямо в кедах, замочив штаны по колено и выше. Стояли часа по два, стуча зубами. Иногда кто-нибудь из ребят приходил в огромных броднях, деловито стоял в реке особенно долго. Потом тяжело, словно замороженный, выходил на остров и поочерёдно выливал на песок из каждого бродня по хорошему ведёрку воды. Оказывается, бродни, в которых он пришёл, отцовские, с несколькими дырами. Бродни отец уже решил не клеивать и «с барского плеча» отдал сыну попробовать, что это такое. А может, сын и сам их стащил откуда-нибудь с чердака, где дырявые бродни лежали уже несколько лет «на всякий случай».

У острова я упустил своего самого большого хариуса. Тогда мне было уже лет четырнадцать. Я приноровился выводить хариусов по воде. Сначала они упирались, но потом сдавались

¹¹ На спине. Человек, который несёт, придерживает несомого за его согнутые в коленях ноги. А тот, чтоб не упасть, крепко держится за плечи, а то и за шею несущего товарища.

и шли пословно¹². Какого размера был мой упущенный хариус, не знаю. Когда он клюнул, я не смог сдвинуть его с места. Мне даже показалось на какое-то время, что это зацеп. Но потом леска выскочила из воды. На другой день в том же месте снова клюнуло. В этот раз удалось протащить рыбину по воде метра два, но на поверхность она так и не вышла. Удочка гнулась, леска звенела и вот снова выскочила, ослабла. Мне кажется, я до сих пор помню напряжение, с каким тащил рыбину, дрожь удилища, а потом дрожь в руках. На следующий день хариус больше не клюнул. Может, более удачливый рыбак выловил его, а может, он ушёл в свои заветные места. Мне кажется, причиной схода оказался слишком маленький для такой рыбины крючок. Из-за маленького крючка я отпустил на устье Леменьги ещё одного хариуса, правда, у самого берега. Этого мне удалось вывести. Тащил его издали. Сам стоял в воде и потихоньку к берегу брёл. Хариус уже умирался, не дёргался. На спокойном, без течения мелководье его хорошо было видно в лучах закатного солнышка. Все плавнички и хвост розоватые. Ребятам, что на острове стояли, наверно, было завидно, что я такого красавца тащу. А я до этого небольших хариусов подтягивал к самому берегу и лихо так выкидывал из воды. Решил и этого так же, лихо. Но он оказался тяжеловатым, крючок выскочил из губы. Хариус постоял секунду, развернулся и медленно уплыл обратно на течение.

Конечно, ловили хариусов мы не только около устья Леменьги. Постепенно узнали все хорошие места и разные способы лова.

Мне нравилось ловить хариусов без поплавок, но с грузилом. Надеваешь на крючок всё того же червяка и закидываешь леску на течение. Ждёшь секунд десять. Вытягиваешь и снова закидываешь. Червя, наверно, в переборе несёт по дну, перекидывает через камни. Но вот хариус схватил. Чувствуешь это потому, что мелкая дрожь от его рывков по леске и удилищу передаётся рукам. Словно маленький разряд тока. Тогда надо подсекать. Почему-то иногда хариусы не брали на обычную поплавочную удочку, а вот так со дна хватали.

Особый способ лова – «на муху» или «по воде». Правда, обычно использовали не муху, а слепней, которых ловили у себя дома на стеклённых верандах или друг на друге.

– Стой, стой, – услышишь иногда сзади.

Замрёшь на секунду и тут же получишь ощутимый шлепок по спине.

А вслед за тем раздосадованное:

– Не поймал.

Ещё ловили на кузнечиков. Бывает, стоишь с удочкой на реке, поднимешь глаза от поплавок, а на соседнем бугорке несколько ребят, присев на корточки, скадут с места на место – наживку добывают. И сами на кузнечиков похожи.

Мне рыбалка «на муху» как-то не удавалась, редко-редко вытягивал я хариуса. Ловили в середине лета, вода в реке совсем маленькая. Во многих местах всё поросло травой. Через каждые десять метров торчат затылки камней, буравящих воду. И мне, наверно от моего невежества, казалось, что рыбе и прятаться-то негде. Хотя именно в это время то тут, то там на поверхности реки видны всплески и круги от жирующего хариуса.

А вот брату моему на этой рыбалке везло. Он всегда возвращался с богатым уловом. Находил узкие протоки, прятался за деревья, за буруны от камней. Ловил на всё. Иногда насадит штук пять комаров на крючок, пустит этакий деликатес по воде, смотришь – уже тащит хариуса.

Хариусы, берущие на муху, бывают чудаковатые. Однажды я ловил с поплавком. Но ни на червя, ни на ручейника не клюёт. Глухо. Зато какой-то чудаковатый хариус с удивительной настойчивостью стал хватать за поплавок. Булькнет, утащит под воду, немного повозит и выплюнет. И так раз за разом. Я уже собирался дополнительный крючок к поплавку привязать, но чего-то постеснялся, а надо было бы.

¹² Послушно.

Разговаривая о том, где кто ловил, мы использовали теперь свой топонимический язык: «ниже камня», «у дерева», «там, где большой ушёл», «в повороте», «в протоке» и так далее. Были, конечно, и общие, давно устоявшиеся названия: «День Песен», «Студенец», «Баллончик», «Питерцева мельница», «Старая речка».

Баллончик

Особенно запомнились мне Питерцева мельница и Баллончик. Здесь мы купались. Баллончик – довольно глубокая протяжённая яма среди переборов. На Баллончике, метрах в десяти от берега, лежало огромное тракторное колесо, видимо, спущенное кем-то с крутой залеменной горы. До этого колеса мы с ребятами доплывали и стояли на нём, как на подводном острове. Купались минут по десять, потому что вода в реке Пуе холодная. Поэтому на берегу мы почти всегда жгли костёр, грелись и обсыхали около него. На Баллончике, в конце ямы, я однажды увидел налима. У нас дома откуда-то появилась маска для плавания под водой. Я много плавал с ней, изучая речное дно и разыскивая беззубок, которых мы ели. Безжалостно открывали раковину, отрывали красную «ногу» и жарили её на том же костре, около которого грелись. И вот, разыскивая беззубок, в конце ямы я увидел ржавое сплюснутое ведро с выпавшим дном. Я его слегка пошевелил. Как в классических рассказах, из ведра выскочил огромный налим. Стремительно уплыл к берегу, буквально ткнулся в него. Понял, что перепутал направление, и стрелой пронёсся мимо меня на глубину. В другой раз, плавая с маской, я нашёл под водой застрявшую на камнях сеть. Не знаю, у кого унесло её. Сеть оказалась не совсем рыболовной. Зелёная, с мелкой ячеей, толстой ниткой. Всего скорее, это было крыло от курмы¹³, по которому рыба шла в морду¹⁴. Но для меня в то время это было великой находкой.

Однажды на Баллончике я поймал щуку на крюк¹⁵. Мы с ребятами решили порыбалить целый день, с костерком. Пришли на реку ещё на рассвете. Перебрали на другой берег и напротив Баллончика развели костёр. Ловили тут же. Клевали только пескари, и мне пришла мысль наживить одним из них крюк. Там, где мы находились, не поставить – везде течение. Пришлось снова перебродить реку и ставить крюк на Баллончике. Но и здесь я долго искал подходящее место. Весь берег оказался таким каменистым, что кол, на который вешался крюк, попросту невозможно было воткнуть. Наконец мне удалось найти какую-то расщелину между камней. Кол воткнулся в неё так ловко, что, казалось, его не свернёшь, словно он корнями прирос.

Наладив крюк, я вернулся обратно к костру. Стою себе, ловлю пескарей, которые, кстати, очень вкусные, когда их жарить. Стою, иногда посматриваю на свой крюк на том берегу. И вдруг вижу, как из-под кола выскакивает разогнавшаяся щука. Она, разбив водную гладь, выпрыгнула, наверно, на полметра в высоту, а пролетела по воздуху, описав дугу, добрый метр. Вся нитка с крюка тут же размоталась, кол начал дёргаться. Мы все, кто был у костра, – бегом вниз по течению, где мелко, и, не разбирая брода, вздымая кучи брызг, черпая сапоги, перебрались на тот берег. Потом к Баллончику, к крюку. Сердце моё оборвалось: чёрная резинка висела вольно, нитка ослабла. Но вот последовал новый рывок. Не помню, как у меня в руках оказался кол: выдернул ли я его или отломал. Но он оказался у меня в руках, как удилище. Я передал его кому-то, потянул за нитку, которая резала воду: так как яма без травы, щука ходила вольно и широко. Представлялось, что она огромная. Но, когда я выкинул её на берег, оказалось, что щука сравнительно небольшая. В первые секунды я даже не мог понять, как это так: простая рыба, преодолев колыхающуюся грань между водной и воздушной стихиями, вдруг преобразилась и уменьшилась в разы.

¹³ Рыболовная снасть, изготовленная из проволочных колец и сети. Имеет горло или рукав, а то и два, по которому рыба заходит внутрь, а выйти обратно не может. Курмы часто имеют крылья – сети, направляющие рыбу к горлу.

¹⁴ В данном случае см. сноску 1. Но вообще морду изготавливают из сеток, виц, проволоки, из любых подручных материалов. Главная особенность морды – рукав, по которому рыба входит внутрь, а выйти назад не может.

¹⁵ Крюк – то же самое, что жерлица или рогатка, – рыболовная снасть на щуку, оснащённая металлическим поводком и крючком-двойничком. Мы делали крюки так. Наматывали на небольшой кусок резины или обрубок резинового шланга несколько метров капроновой нитки. Конец нитки закрепляли в прорез-зажим на резине, чтоб живец нитку не мог выдернуть, а щука – легко. С разгона схватив живца, щука разматывает нитку, насколько ей нужно, и не боится, что это ловушка. Потом заглатывает свою добычу – и уже на крючке. Крюк подвешивали на кол, воткнутый под наклоном в берег или дно.

– Хватай, а то уйдёт! – крикнул мне кто-то.

И я, упав на колени, прижал прыгающую в траве щуку к земле. Несомненно, это была удача. Позже я переловил щук несчитано, но это было позже. Удивительно, что второй раз воткнуть кол я не смог, не нашёл той расщелины между камней. Пришлось положить кол в воду, но ничего не попало.

На Старой Речке

Помимо Баллончика мне ещё запомнилась Старая речка. И даже не само место, а одна из рыбалок на этом месте.

На Старую речку обычно ходили в походы школьники. Семьи ходили отдохнуть, сварить уху. Благо идти совсем недалеко, километра четыре и всё по сосновому бору, а около реки ждёт удобная полянка.

Помню, в серёдке лета я прикатил сюда на велосипеде. Прямо по разъезженной в сырых местах тракторами, избитой коровьими копытами дороге. День стоял очень жаркий, жужжали комары и слепни. Сначала не ловилось вовсе, а потом стали клевать огромные пескари. С усиками, с тупой мордой, с мелкой серебристой чешуёй. Чтобы не испортить их, я вырыл в прибрежном песке ямку, в которую насочилась вода. По одной опускал туда рыбок.

В жару стоять в сапогах в воде одно удовольствие. Пескари уже перестали клевать, и я закидывал в места поглубже, надеясь поймать кого-то посущественнее. Постепенно отходил всё дальше и дальше от моего прудика. И наконец оказался метрах в пятидесяти ниже по течению.

Надвигалась гроза. Словно сквозь деревья ползла огромная тёмная туча. Всё притомилось от жары и духоты и, казалось, спало. Я, наверно, тоже чуть засыпал. Только вороны сидели на одном из деревьев и о чём-то ругались. Сначала прилетела одна, потом вторая. Теперь уже сидело штук пять. Они постоянно каркали, то и дело спархивали, снова садились на деревья, менялись местами друг с другом. «Не нравится, что гроза идёт?.. И чего они сюда прилетели, за несколько километров от деревни? Наверно, привыкли что-нибудь собирать после походовников...» И тут я понял, что они воруют мою рыбу. Кинул удочку на ближайший песчаный островок и побежал по воде к моей луже, от которой взлетели вороны.

– Эх вы! – закричал я и замахал руками.

Когда подбежал к лужице, оказалось, что от моего улова осталось две расклёванные головы. Я снова закричал на ворон, замахал на них руками. Но они даже не пошевелились. И тут грянул оглушительный гром. Поднялся ветер, туча вдруг показалась очень страшной и близкой. Вороны всё-таки сорвались с деревьев, сбиваемые с полёта ветром, унеслись куда-то в сосняк. Я побежал за удочкой, упали первые тяжёлые капли, хлестанул дождь. Стало страшно. Сначала показалось, что вода в реке потемнела, потом закипела от дождя. Казалось, что островок, на котором лежит моя удочка, сейчас на глазах затопит. Я поднял удочку. Удилище было скользкое и почему-то пахло пылью. Кое-как закрепил леску. Сверкнула молния, и снова затрещал гром. Я уже весь вымок. Выбежал на берег, схватил велик, удочку привязывать к раме не было времени. Я стал подниматься по тракторной дороге в гору. Здесь шум дождя мешался с шумом ручейков, бурлящих навстречу по обеим колеям, они кипели мутью, сосновыми иголками, разным сором и пеной. Небо ломалось и лопалось надо мной, его резали молнии. Поскальзываясь на глине, кое-как добрался до ровного места. Деревья гнулись от ветра. Я поставил удочку к ближайшей сосне и сел на велик. Вся дорога в пузырящихся лужах. Кроны деревьев, поливаемые дождём, тоже кипят. Ехать приходилось против ветра, казалось, что велик, утопая колёсами в воде и раскисшей земле, стоит на месте. Я жал на педали изо всей силы. И вот, когда въезжал в деревню, заметил, что стало светло и гроза уже прошла. Выглянуло солнце. Всё кругом заблестело и казалось новым и другим. И даже велосипед казался новеньким, как из магазина. Я вытер лицо руками, пригладил волосы и засмеялся. А удочку потом не нашёл, так, наверно, и стоит под сосной.

В Михайловке

Такой была рыбалка на Пуе около Липовки и Залеменьги. Совсем по-другому мы рыбачили около деревень Михайловка и Туймино. И Пуя здесь тоже казалась совсем другой.

Мой отец из Михайловки, а дед и прадед из Туймино. Если от Михайловки до реки надо спускаться под крутую гору, то Туймино стоит прямо на берегу.

В Михайловке нынче жил дед. На реке у него всегда ждала нас, прицепленная на замок, лодка-осиновка¹⁶. На лодке этой мы с братом плавали с самого детства, правда, попервоначалу раскачиваясь из стороны в сторону, как в люльке.

Излюбленной нашей рыбалкой стала ловля щук на крюки. Как-то так получилось, что отец в то время не занимался крюками, но у деда в старой корзине нашлось несколько рогаток с толстой леской и огромными крючками. Надо было поймать рыбы, а в сетки из-за жары почти ничего не попадало. Мы поехали с отцом в ночную, он между делом поставил несколько рогаток, наживив ершами, которых мы с братом поймали. И вот на этих мелких колючих слизких ершей попали самые настоящие щуки.

Помню, ночевали в тот раз около Власовича мельницы (когда-то там стояла мельница) на песчаном мысу, поросшем кустами. Отец развёл костёр, нарубил ивовых веток для лежанки. Поверх веток расстелил рокон¹⁷, холодный и чуть мокрый от вечерней росы. После того как поели, мы с братом легли спать. Но мне, как обычно, долго ещё не спалось. Я лежал на спине, закинув руки за голову, широко раскрыв глаза, словно старался что-то увидеть в темноте. Иногда поворачивался то на один бок, то на другой. Смотрел на потрескивающий костёр, слушал переливы реки.

Мысок, на котором мы расположились, словно полуостров в виде листка берёзы. С одной стороны затхлое староречье, с другой – бьёт течением перебора Пуя, стараясь перегрызть черенок листочка и побежать напрямую через староречье. Рядом с костром чернеет выгашенная на песок лодка. К ней приставлено белое новенькое весло лопатой...

Я проснулся на рассвете. Отец не спал, шевелил палочкой в костре. Не знаю, ложился ли он вообще. Выше по течению приглушённо шумел перебор. Над всем висел одеялом густой туман. Я тут же побежал на самый край мыска, чтобы посмотреть, как сетка. Но ничего не видно. Не то что сетки и реки, а даже того места, где вода соединяется с землёй.

Потом мы с братом несколько раз бегали смотреть, но всё ещё ничего не могли разобрать. Иногда там, куда мы гляделись, стали слышны тихие глухие всплески. И каждый раз казалось при этом, будто кто с берега случайно уронил пару комков глины. Вскоре на переборе проснулись хариусы, туман просветлел. Стало понятно, что где-то поднялось солнце. Туман, до этого спокойно лежавший, стал суетливо бежать куда-то, истончился. Уже стало видно шест, к которому привязывали сеть, и белые крупные поплавки её, уходящие в туман. Все они лежали на поверхности воды спокойно: значит, ничего не попало.

Отец тем временем вскипятил чай со смородиной. И пока мы завтракали, словно от горячего чая, туман вдруг пропал. Хотя ещё виден кое-где в далёком повороте реки среди деревьев тонкой кисеей, пронизанной солнцем.

Обе сетки теперь можно хорошо рассмотреть с края мыска. Ни один поплавок не подтоплен, так что на улов нечего и надеяться. Около сеток и по всей поверхности реки, почему-то кажущейся немного белесоватой, словно молока в неё добавили, булькает мелкая рыбка, свободно проходящая сквозь ячеи. В лесу со всех сторон поют птицы. Я услышал это пение вдруг, словно до этого было совершенно тихо. Видимо, весь я был поглощён выглядыванием

¹⁶ Осиновка – лодка-долблёнка из толстой осины.

¹⁷ Рокон – непромокаемый костюм.

сеток и ничего не слышал, пока не лопнула на ушах моих тонкая плёнка, как только что расточился и лопнул туман.

В конце курьи стоял крюк, и брат заметил, что леска натянута, поблёскивает на солнце и иногда подёргивается. Я ничего этого не видел, даже кола не видел. С детства носил очки, которые не очень помогали. Зато у брата зрение было отличное. Позже, на врачебных комиссиях он легко читал не только самую нижнюю строчку, но и все выходные данные таблицы: тираж, номер заказа и адрес типографии. Поэтому я уже не смотрел в сторону крюка, а смотрел на брата и по выражению его лица старался понять, что там.

– Сидит, – наконец сказал брат, и мы побежали к отцу.

Он спокойно отнёсся к нашему известию. Дал мне в руки весло, чтоб я выхлестал скопившуюся в носу лодки воду. Брату велел залить из котелка едва дымивший костёр. Рюкзак уже был собран.

Отец спихнул осиновку в воду, усадил нас и, шагнув одной ногой в лодку, второй оттолкнулся от берега.

Сначала мы проплыли вдоль сеток, потом мимо крюков. Теперь и я видел, как один размотанный крюк кто-то сильно тянет. Отец определил, куда утащена леска, и осторожно, крадучись, подплыл с противоположной стороны. В последний момент рыбина всё-таки почувала нас и метнулась в сторону, но отец успел подцепить леску веслом. Леска зазвенела. Рыбина блеснула жёлтым в воде и хотела уйти под лодку, но отец не дал и в ту же секунду перекинул щуку через борт к нашим ногам.

Она была довольно большая. Изгибалась, грозно хлопала хвостом по дну. Около морды на поводке и леске нарвана пучками трава. От щуки пахло щучьим запахом свежести. Мы с братом вместе вдохнули этот запах, знакомый с самого младенчества. И стало нам хорошо и радостно. В тот день мы поймали ещё одну щуку, и два крюка оказались размотанными впустую. Посоветовавшись с дедом, отец решил наделать новых крюков. Дедовых было мало, да они и не годились. Крючки у них огромные и одинарные, леска для размотки короткая. Дело в том, что дед привязывал крюки не к колу, а к сухой жердине, которую кидал на траву так, чтобы конец с крюком выходил на чистое место. Если хватала щука покрупнее, то она, размотав леску, попросту утягивала жердину на несколько метров в ту сторону, куда ей вздумается. Эдакие крупные щуки во времена моего детства водились реже, да и вырубать каждый раз жердину совсем не хотелось.

Мы не стали вырезать крюки (вернее, рогатки из деревянных рогулек), а сделали из старой транспортёрной ленты с зернотока¹⁸. По структуре она напоминала ремень привода вентилятора в машине, только широкая и не такая твёрдая. Отец нарезал эту ленту на прямоугольники в полтора-два спичечных коробка размером. Вместо лески использовали капроновую нитку, которая лучше наматывалась и была крепче. Поводки сделали из тонкой проволоки. Крючки-двойнички пришлось купить.

Щуки брали отлично. Помню, поставишь крюк, отплывёшь метров десять, замешкаешься чего-то, а крюк-то уже размотан. Правда, сходов случалось тоже немало: то ли щуки чувствовала грубые поводки, то ли были мелковаты и выплёвывали живца, не заглотив его.

Живцов мы теперь не ловили на удочку, а ездили с мордами на Глухое озеро за карасями.

Глухое озеро находится недалеко от центральной дороги прямо посерединке бора между Михайловкой и Палкином. Такое название, понятное дело, дано ему не потому, что до него трудно добраться. А, всего скорее, из-за непонятности, таинственности и гиблости места. Некоторые считают, что озеро – не что иное, как воронка от огромного метеорита, поэтому круглое и прямо среди бора. Учитель истории рассказывал нам, что это типичный пример перехода озера в болото.

¹⁸ Комплекс по просеиванию и просушке зерна. У нас в деревне он располагался в огромном кирпичном здании.

Глухое озеро на самом деле имеет круглую форму и находится посередине бора, берега его на самом деле болотистые и ходят под ногами ходуном, так как состоят из тонкого слоя земли и сплетения корней растений – этакого ковра, лежащего на воде. Посередине озера виднеется небольшой островок травы. Вдоль берега растут белые лилии и жёлтые кувшинки. Дно до невероятности илистое, поэтому забросить морду прямо так нельзя, её надо повесить над дном на жердине, кинутой на берег.

Мордочки мы ладили из фильтров от тракторов и больших машин, вместо рукава пластиковая воронка с сероточки¹⁹. Внутри мордочки для приманки клали хлеб и сухари.

Бывало, приедешь на велосипеде или с отцом на мотоцикле, спустишься к озеру. С воды сорвутся ночевавшие здесь утки, сделают круг и унесутся на Пую. Лилии только-только ещё распускаются с ночи, просыпаются, ещё в сжатом состоянии, но уже видно их белые сложенные лепестки. Вдоль по берегу черника, зеленоватая ещё голубика и ближе к воде совсем белая, не заметная от этого, клюква. Пахнет багульником, болотиной и чуть затхлой водой. Комаров здесь, в низине, как пыли, и все они голодные. После того как набрал воды в бидончик и намочил руки, кажется, эти комары нападают ещё сильнее, летят на мокрое. Осторожно подходишь к месту установки первой мордочки, к жердине, наполовину уткнувшей свою вершинку в воду. Под ногами хлюпает, по ковру-берегу идёт едва заметная волна, переходит на воду, бежит к середине озера, искажая отражения облаков и только что поднявшегося из-за сосен солнышка. Ухватишься за жердину, потянешь морду кверху, а она идёт тяжело, словно завязла, но как только появляется на поверхности, вся блестящая от стекающей воды, сразу становится легче. В иной морде нет ничего, а в иной – на треть блестит, шевелится карасиное золото. При такой удаче – сразу полный бидончик. Тут уж мелочь – обратно в озеро.

Домой приедешь, отберёшь самых крупных карасей – и на реку. Оставшееся в бидончике золото выльешь в бочку с водой, набранной для полива огорода. Плавают караси там, а их почти и не видно на дне, спинки тёмные, незаметные. Это про запас – не каждый раз удавалось съездить на озеро, да и попадало не всегда.

Половив несколько дней, отец отдал всю рыбалку в наши с братом руки. Правда, по малолетству мы сразу убавили количество крюков и ставили их только у самой деревни.

Но вот беда, шук мы вытаскивали редко. Дед, проверявший свои сети, заодно проверял и наши крюки (чтоб рыба не попортилась). Сказать деду, чтоб он этого не делал, мы, конечно, не могли. Поэтому стали ездить раньше. Но всё равно каждый день нас ждала в холодильнике уже почищенная щука. Дед, видимо, не понимал нашего желания вытащить упирающуюся рыбину самим, не понимал нашего азарта. Когда мы приезжали к нему, как казалось нам, очень рано, дед говорил нам, какие крюки надо наживить.

Но иногда нам всё-таки везло. Дед проверял сети очень рано, и до нашего прихода на какой-нибудь крюк успевала схватить щука, живая, не из холодильника.

Год за годом мы всё чаще стали ловить на крюки, облавливать всё новые и новые места. Вообще, рыбалка с помощью крюков была у меня одной из самых любимых. Плавали обычно вверх по реке, уже намного выше Михайловки и Туймина. Пуя там в основном тихая, с медленным течением. Хотя есть и переборы, но всё так зарастало травой, что уже казалось, что это не перебор, а мелководье. Иногда трава оказывалась настолько густой, что лодка едва пролезала сквозь неё. Приходилось плыть стоя, толкаясь в дно длинным шестом. В лодке всегда лежала старая сточенная коса, которой мы выкашивали маленькие кулишки от водорослей, чтоб в это место закинуть живца и он ходил вольно, не цепляясь за траву. Иногда колы вырубать не хотелось, и мы привязывали крюки к прибрежным кустам, к топленикам – брёвнам, один конец которых лежит на дне, а второй чуть выкуркивает на поверхность воды. Старые, потемневшие,

¹⁹ Сероточка – выделенный участок соснового бора. На стволах сосен специальным инструментом делают надрезы «ёлочкой вниз», под надрезами устанавливают пластиковую воронку, в которую постепенно набирается смола-живица.

потрескавшиеся, с выгнившей болонью²⁰ и торчащими сучками, они остались, наверно, ещё с тех времён, когда по Пуе шёл сплав. Подплывёшь к крюку, привязанному на такой топленик, и всё думаешь: «Схватила на него щука да на дно утащила брёвнышко. Вот не найти будет». Но ничего подобного не случилось. Как-то на крюк, привязанный за куст, попала удивительная щука. Она каким-то образом закинула размотанную нитку высоко на ветки куста. То есть уже после того, как попалась, перелетела через куст в невероятном акробатическом прыжке. Самое удивительное то, что именно в этой щуке, когда мы её чистили, оказались косточки птицы, съеденной, конечно.

Помню, в один год я пропадал на реке почти всё лето и по крайней мере половину лета ночевал на реке около костра. Сенокос прошёл как-то быстро, но и в эти дни мы ловили. Потом отец вместе со вторым лесником долго работали на прореживании бора вдоль реки. Мы с братом ездили с ним: собирали грибы да ловили рыбу. Лето было удивительное – щука лучше брала днём. Проплывёшь в одну сторону, крюки проверишь – щук шесть попало, плывёшь обратно – ещё шесть щук. И так можно плавать туда-обратно, только живцов меняй. Кончились караси – сел на велик и на Глухое озеро или пешком напрямки.

После того как отец закончил прореживание, мы ловили кому-то на свадьбу, ещё куда-то. Я столько нагрёбся веслом в том году, что руки и пресс у меня стали просто железными. Пять километров против течения легко давались минут за сорок. Сколько же этих самых километров я проплыл в том году? Сотни. И куда уплыл за это лето? Что нового увидел в такой далёкой стране?

Конечно, ловили мы не только на крюки, но и на удочку, и в сети. Вспоминается, как попадёт в сети то небывалых размеров сорожина, то огромный тёмный окунь, которого сложно удержать в руках, приходится прижимать к животу. При этом боишься, как бы колючками не поколол. Бывает, щука искушает всю рыбу в сети, а потом, этакое полено, и сама заусится, зацепившись за нити зубами, напихав их в пасть. Одновременно и огорчительно и радостно, когда в новой сети обнаружишь вдруг две огромные дыры: бобёр прошёл туда и обратно. Оглянешься и как-то сразу увидишь его свежий лаз, несколько срезанных веточек, тоненькую осинку, наполовину очищенную от коры.

– Ух ты! – помашешь в сторону лаза кулаком и улыбнёшься.

Но простая ловля в сети меня не так привлекала. Больше нравилось ботание²¹. На этой рыбалке переезжаешь с места на место. Булькаешь длинным ботом²², пугая рыбу. А брызг сколько! Весело, особенно в тёплую погоду. Правда, сетку приходится всё время переставлять. Зато сразу видно: попало – не попало. Мне нравилось плавать от Михайловки вниз, ставить сетку поперёк реки и гнать в неё рыбу. Иной раз дно такое каменистое, что шестики сложно воткнуть. Первый-то шестик заколотишь прямо в берег, где земля, а до противоположного берега сети чуть-чуть не хватает. Второй шестик никак не втыкается – течение тянет сетку, выворачивает шестик. Отец велит мне вылезти из лодки на какой-нибудь камень и держать шестик, который не смогли воткнуть, и тетиву²³ руками, а сам уплывает вверх по реке метров на сто. Река мелкая, вся в камешнике, так что хорошо видно дно. Как же интересно смотреть! Сначала никого нет у сети. Потом вдруг зацепилась какая-то маленькая рыбка, заблестела серебряным листиком, слегка задёргала, словно нерешительно, поплавок.

²⁰ Болонь – слой древесины сразу под корой дерева. Чем меньше болони, тем лучше выстоялось дерево, крепче и дольше будет стоять в срубе или в изделии. В идеале болонь должна быть не толще пальца шириной.

²¹ Рыбу пугают и гонят в сеть с помощью бота.

²² Бот – длинный шест, на конце которого закреплён кап (нарост на берёзе, из которого изготавливают различные поделки). Снизу древесина у капа выбрана, поэтому при ударе под воду загоняется воздух, пузыри которого особенно пугают рыбу.

²³ Тетивы две – верхняя и нижняя. Тетива – специальная верёвка, особым способом привязанная сверху и снизу сети. В данном случае – верхняя тетива.

Но вот отец начал ботать. И первыми прибежали ельцы. «Эта рыба пословная», – говорит дед. «Пословная» – это значит легко ботается, пуганёшь немного – и готова на несколько сот метров бежать. Другое дело хариус, его поперёк реки ни за что не заботаешь – не боится. Некоторые считают, что он просто не вниз по течению убегает, а вверх. Люди пробовали снизу вверх ботать – без толку. Я сам несколько раз видел, как на переборах крупные хариусы отвернут от весла лодки и дальше стоят на своём месте.

...И вот отец начал ботать – побежали ельцы, и ты знаешь, что это оттуда, от отца. Мелочь сквозь ячеи проскакивает, а крупные остаются. Вот уже два поплавок затряслось. Когда отец подплывает ближе, к сетке навешиваются сорожины. Эти не летят стрелой, как ельцы, не суются сразу в сеть. Уплывают обратно, снова возвращаются, пугают друг друга, суетятся. Отец, стоя в лодке, орудует ботом, старается не пропустить их, и, уже когда совсем поджимает, сорожины решаются на прорыв. Самые хитрые обходят сеть прямо около меня, огибая шест. Мелочь проскакивает: некоторые рыбки с ходу, некоторые на секунду задержавшись в ячее. Ельцы попадают в основном посередке, сорога и окуни около берега. Недалеко от шеста, который я держу, заусился окунь и очень сильно дёргает поплавок. В сети уже рыбок пятнадцать. Поплавки поддёргиваются то тут, то там, словно пульсируют, я держу один палец на тетиве и чувствую общий этот пульс.

Отец всё ботает, он почти вплотную подплыл к сети. Кажется – зачем? Вдруг вся сеть резко дёргается, поплавок семь посередке тонут. От неожиданного рывка меня чуть не сбивает в воду. Это ударила щука, стоявшая до самого последнего. Чтобы она лучше заусилась, отец ещё несколько раз ударяет по воде ботом. Крупные брызги долетают до меня, действуют ободряюще, пропадает оцепенение от долгого удерживания шестика и сети. Отец направляет лодку ко мне, одновременно разворачивая её в нужное положение. Перехватывает шестик. Я прыгаю в лодку на своё место, чтоб подгрести веслом, отец уже выбирает²⁴. Мелочь не вынимаем – это потом – на берегу и когда будем в следующий раз закидывать. Надо постараться поднять щуку. Она крупная и не может по-настоящему зауситься в слишком мелкую для неё сетку. В таких случаях иногда поднимаем, а иногда уже и нет её. Попала – хорошо, и не попала – тоже хорошо. Но сколько раз я видел, как отцу удавалось схватить щуку, стоявшую около сетки, прямо руками. Вдруг наклонится вперёд, буквально повиснет над водой, вот-вот упадёт, рука в воду по самое плечо, лодка накренится, черпанёт немного. Я накренюсь на другой борт, чтоб уравновесить. Смотришь: достал щуку, держит за жабры, кинул в нос лодки прямо через меня, обдав каплями с хвоста, – и дальше выбирать сеть.

Уже потом, когда поплывём вниз по течению и я буду править, отец сядет на свою мокрую от ботания беседку²⁵ и только улыбнётся, выжимая рукав пиджака.

Капли с рукава падают в речку. Сквозь несколько слоёв выбранной сети и обрывки водорослей поблёскивают, поддёргиваются рыбки, в носу лодки ударяет хвостом щука. Слегка пахнет тинной, водорослями из сети и рыбой. С берега тянет сладковатым запахом травы.

Плыть хорошо. Я почти не гребу, только иногда поправляю незаметным движением весла лодку, чтоб она шла вдоль реки. Место здесь глубокое, течение едва заметно. Мы в тени. Комаров мало, и они почему-то в основном крутятся около сетки. С прибрежных кустов капает влага осевшего тумана. Далеко впереди, в повороте, дорожкой блестит солнце на переборе. На ближайших полянах тархтит трактор – косит. У нас уже накошено. Сегодня гребля. На сенокос надо попасть к десяти, и отец думает, закидывать ли ещё или хватит. Мы молчим. Тихо. Только чмокают, упавшие с кустов, крупные капли влаги. Я совсем не управляю, положил весло перед

²⁴ Выбирать сеть – вытягивать её в лодку одновременно за верхнюю и нижнюю тетиву.

²⁵ Беседка – сиденье в лодке. Основная беседка в осинолке одна. Она прибита в корме. Чаще на ней сидит тот, кто гребёт. Но длина лодки позволяет установить ещё одну или две временные беседки, не прибывая их, – по сути, просто широкие доски, специально опилённые.

собой, поэтому лодку потихоньку разворачивает, уже поставило поперёк речки. И я знаю, что скоро отец будет видеть то, что видел я, а я – то, что отец.

Поездом

Весной, в начале июня, когда вода уже спала, а трава только-только появляется в реке, мы ездили на рыбалку поездом. Это особая рыбалка, на которую требуются четыре человека, и меня на неё не брали лет до двенадцати.

Ещё в детстве будоражило и тревожило меня слово: «поездом». Почему-то в первую очередь представлялся настоящий поезд, каким мы добирались из Вельска в Архангельск. Уже потом, после поезда, вспоминал про рыбалку.

Уедет отец с мужиками к ночи, и наутро меня будить не надо. Подскочу – и бегом к старой бане. А там полный таз крупной рыбы, блестящей, словно облитой серебром и тёмным до черноты золотом. Иной раз чуть позже проснёшься, и рыбы уже нету, осталась только широкая доска, с высыхающими на утреннем тёплом солнце крупными чешуйками. Над доской носятся назойливые мухи. А где-нибудь в сторонке сидит соседская кошка и с урчанием доедает рыбы потроха. Наша кошка Мурка, видно, уже наелась. Постоишь немного, послушаешь кошачье урчание, посмотришь на мух, которым ничего не досталось, понюхаешь запах свежей рыбы, мешающийся с запахом подпорченной (похоже, что-то из потрохов с вчерашнего дня куда-то завалилось, а может, это от слитой вчера воды, в которой ополаскивали рыбу). Вдруг почувствуешь, что мухи и комары как-то настырно в глаза полезли. Наверно, задумался о чём-то и перестал отмахиваться. Потрясёшь головой и побежишь домой пить парное молоко с белым хлебом.

Плавать поездом мне нравилось. Хорошо, тепло, ночи светлые. Рыбалка интересная. Для неё необходимо две лодки. А у нашей семьи Мурашевых всегда на реку две, а то и три лодки спущено. Две хорошие, а третья совсем старая, так, через речку переправиться, недалеко сплавить или половить карасей в староречье. Поэтому без нас рыбалка не обходилась. Плавали, конечно, мужики из других деревень на резиновках и щитовках, но это всё не то.

Меня отец стал брать поездом, только когда я по-настоящему окреп физически и стал хорошо управлять лодкой. Да и понятно: там всё мужики, а я пацан – как бы не подвёл. Но воспоминания мои о причастности к рыбалке поездом начинаются намного раньше. Помню, как-то отец сказал мне:

– Пойдём, лодки поможешь перегнать. Сможешь грести?

Я замер на несколько секунд в улыбке от такого предложения. Мне было лет семь, и я никогда ещё не плавал один на лодке. Я, конечно, согласился. И пока шли до реки, мне всё казалось, что земли не касаюсь, а поверх одежды накинута какая-то особая наэлектризованная рубаха.

Две лодки надо было перегнать всего метров четыреста, до того места, где их можно будет погрузить на тракторную телегу. Дело в том, что мужики за две ночи спустились по реке поездом от Михайловки до Липовки. Обрато загонять лодки против течения по частым переборам – лишний труд, поэтому их отправляют в Михайловку посуху. Среди двух ходовых лодок одна всегда была новая, ещё светлая, а вторая – старая, потемневшая, слегка латанная. Отец оставил себе старую лодку, а меня посадил в новую, дал весло и оттолкнул от берега. Он, конечно, мог перегнать обе лодки по очереди или привязать одну к другой, но доверил плыть мне. Видно, был уверен и во мне, и в лодке. Я плыл зигзагами. Лодку мою несло то к левому, то к правому берегу с риском врезаться на полном ходу в этот берег. Едва мне удавалось отвернуть, хотя веслом я работал изо всех сил, загребая то с одной, то с другой стороны. Лодка качалась от моих усилий, качалась река, качались берега и небо. Мне казалось, что наша Пуя – стремительная горная река, а сам я – маленькая щепка в её бурном потоке. Но мне всё-таки удалось

доплыть до нужного места и не перевернуться, не выкупаться²⁶. Отец уже ждал на берегу (в какой-то момент он обогнал меня, хотя плыл до этого позади). Отец захватил лодку, вытащил её нос на камешник. Я оглянулся назад. Мне всё ещё казалось, что я там, на реке, загребая веслом и борюсь с течением.

А в двенадцать лет я уже прекрасно плавал на осиновке хоть сидя, хоть стоя, хоть с веслом, хоть с шестом. Поэтому отец и взял меня на рыбалку гребцом к себе в лодку.

Моя первая рыбалка поездом началась от Касковой, небольшой речки, впадающей в Пую выше Туймина. Проплыть надо было до Михайловки, километра три, с этим мы справились за вечернюю зорьку.

Выплыли, когда солнце только-только спряталось за лес, а вода в реке хранила ещё красноту заката. Кричит коростель, поют птицы, жужжат, пищат комары. Лодки носами тянутся к противоположным берегам. В носках гребцы. Приходится отпускать лопату²⁷ глубоко, чтоб не было слышно бурления. Загребашь один раз к берегу, один раз вдоль по лодке, один раз к берегу, один раз вдоль по лодке. В корме лодок главные рыбаки, те, что поездок²⁸ ведут. Иногда они стоят, а иногда сидят. Когда место глубокое, то четырёхметровые шесты, к которым прилажен поездок, почти полностью под водой. В это время сложно гребцам. Кажется, не двигаются лодки с места, привязал их кто-то. Один раз к берегу, один раз вдоль, один раз к берегу, один раз вдоль. На всю лопату, на всю лопату. Но вот самую глубь прошли, шесты уже на полтора метра из воды торчат. Впереди чуть блестит рябью мелкое место (приволека), а за ним и перебор. Лодки пошли ходчее, поддаются уже, их вроде даже чуть понесло течением. По рукам, когда они чуть расслабились, словно лёгкий ток прошёл.

– Хэ! – кричит отец.

Значит, надо грести назад, лодки сплываються вместе, из воды поднимают поездок, и в его сети, в самом кармане, когда он только появляется из воды, с булькотом трепещется десятка полтора мелкой белой рыбы, два средних окуня и щука.

– А я не почувствовал её, – говорит рыбак, который ведёт поезд во второй лодке.

– Так она в мой угол ударила, – отвечает отец.

– Я слышал, как окуни подёргивали. Да всё думаю: не будем подымать, дождёмся. А уйдут так уйдут...

Всё, разговор окончен, рыба вынута. Пока её вынимали, мы, гребцы, загнали сдвоенные лодки метров на десять выше того места, где закончили ловить. Снова расплылись каждый к своему берегу. Я разогнал лодку, чтоб легче шла, но уже снова завели поездок, загнали его к самому дну. Лодка моя словно встала, её как будто даже потянуло назад. А назад оглядываться некогда, надо плыть вперёд: на полную лопату, один раз к берегу, второй – вдоль борта. Тянем, тянем поездок к приволоке, поджимаем рыбу.

– Смотри не перегоняй, – говорит отец еле слышно.

Но я хорошо знаю его голос, все интонации его, и сразу понимаю, в чём дело. Нос моей лодки чуть впереди носа второй. А это нехорошо – надо, чтоб поездок шёл ровно. Я гребу несколько раз только к берегу и то не сильно. Совсем не грести нельзя – поездок вывернет карманом по течению, и тогда дело пустое.

Вот уже и приволока. Лодку понесло. Река в этом месте сужается. Я резко выворачиваю нос вдоль по течению, чтоб боком не наскочить на камень и не перевернуться. Меня задевает по лицу свесившейся над водой ивиной, обдаёт её горьковатым запахом. Отец кричит: «Хэ!» Хоть и так понятно, что пора вынимать.

²⁶ Неожиданно упасть в воду с риском для здоровья или жизни, то же самое – провалиться под лёд. Есть понятие – «искупаться с головкой».

²⁷ Лопатой называют деревянное весло, вырезанное из доски. Оно очень похоже на лопату, которой ставят хлеб в русскую печь.

²⁸ Рыболовная снасть из сетки в виде мешка.

В кармане поездка несколько шук, хариусы, мелочь. Лодки сплылись, прижались к берегу. Шумит перебор, плескает о борта. Я упираюсь веслом в дно. Гребец с соседней лодки в броднях вышел на мелководье и придерживает нас, разминая ноги. Проплыть дальше нельзя, там хорошая хариусная ямка, надо её обловить. Кто курит, тот закурил. Я мочу руки в воде, отмахиваюсь от комаров. Пахнет мокрой сеткой, лопушками, которые, выйдя из лодки, потревожил второй гребец. Лопушки и тонкая длинная трава осока дрожат на течении, словно куда-то бегут. Отец расхваливает шест, которым он ведёт поезд. Тонкий, лёгкий. Отец принёс его осенью из Чугл, а это километров семь по лесной дороге. Я глажу светлый шест ладонью. Шест-путешественник.

В ту мою первую рыбалку поездом нам попало хорошо. Отец раскидал рыбу сначала на две кучки: одна нам, а вторую он разделил ещё пополам двум оставшимся рыбакам. Делилось просто. Отец брал двух примерно одинаковых шук и раскидывал в разные кучки. Так же поступал с другой рыбой. Иногда одна большая щука равнялась двум средним, а окунь – небольшой щучке. Делил всегда отец.

Позже я много раз плывал поездом: и выше, и ниже Михайловки. И всё с отцом. Часто вскрикивали рыбаки заветное: «Хэ!» Поднимали поезд. Бывает, булькается, трепещется в сети рыба, а бывает, что и нет. Случались зацепы. Хорошо, если с лодки поезд снимется, а нет – приходилось самому смелому нырять и под водой отцеплять ячеи сети с колодины или брошенного когда-то давно старого ржавого троса. Иногда дыры прорвём в самой середине кармана. Сидим на комарах и зашиваем на скорую руку, стягиваем ячеи, на этот случай всегда нитки запасены.

Отец рассказывал, что как-то дыру не заметили, да и некогда было рассматривать – впереди река кипит. Огромный косяк ельцов, наверно собравшийся с полреки, поджатый к приволоке, пошёл на прорыв. Видно было, как тёмная полоса в поездок потянулась. Подняли, а в кармане дыра огромная. Потом шутили, что ельцы сами дыру проббили.

После того как отец умер, мы плыли поездом только один раз. Опять от Касковы. Но неудачно.

Из-подо льда

Особое дело – рыбалка зимняя, когда рыбу приходится добывать из-подо льда. Зимней она только называется. Но в основном проходит осенью, сразу после ледостава, и весной, начиная с марта, когда становится теплее, а рыба клюёт активнее. Иногда эта рыбалка продолжается до самого мая (если лёд держит).

В первый раз я попал на зимнюю рыбалку не на речку, а на Палкинское озеро, широкий, до трёхсот метров, и глубокий разлив реки Пуи. Сколько мне тогда было лет, не помню, ходил в первый класс или нет, не знаю. Но отец взял меня с собой. Мы ночевали в деревне Палкино, что стоит около озера, у папиной сестры тёти Наташи. Резиновые сапоги у меня новые: оранжевые, а вдоль подошвы и ободком по голенищу – чёрные полоски. Нравились мне эти сапоги, почему-то надолго оставшиеся в памяти как рыбацкие. По случаю моего первого выхода на лёд мама купила мне в Вельске зимнюю удочку. Довольно большую. С ножками-подставкой, с двумя закрытыми катушками. На одну катушку, видимо, предполагалось наматывать леску потолще (на крупную рыбу), а на другую – потоньше. А может, с разными мормышками. Когда отец сверлил мне буром лунку, он сказал, что раньше таких буров не было и он пробивал лунки топором. Я с уважением посмотрел на бур. А потом долго смотрел на сторожок закинутой удочки. Но он не шевелился даже чуть-чуть. Мы, кстати, сторожки называли кивками, потому что, когда рыба дёргает, они начинают кивать тебе. А в тот раз не шевелился. Наконец будто кто-то клюнул, и я подсёк, как учил отец. Но безрезультатно. Такие подсечки повторялись несколько раз. Через полчаса я запутал обе лески. Внутрь катушек, видимо, попала вода, и они замёрзли, не крутились, а может, там леска запуталась. Отец с трудом наладил мне удочку и сказал, чтоб я лишнего не дёргал. И я упорно стал смотреть на сторожок. Видимо, клевало совсем плохо. Отец поймал лишь с десятков рыбок. Когда на озеро пришли тёти-Наташины дети, мои двоюродные братья и сёстры, которые были старше меня, я остался с ними, а отец побежал по озеру поискать рыбу. Сидеть давно уже надоело, и ребята меня позвали на берег, на Могильник. На высокий, крутой холм весь в соснах. По холму можно было весело сбегать, катиться вниз, искать на вытаявших местах перезимовавшие ягоды брусники. Уже позже я узнал, почему место это называется Могильником. Когда проводили электричество и копали яму для столба, наткнулись на могилу. Вызвали учёных. Они обнаружили на этом месте большое кладбище чуди белоглазой.

Набегавшись по берегу, мы спустились на лёд и стали заталкивать в лунку жердину, которая лежала около моей удочки. Мы брались за жердину все вместе, ставили стоймя и резко запикивали в лунку. Сухая жердина с брызгами выскакивала обратно как ракета. Мы едва успевали убежать в сторону. Наконец, когда и это надоело, ребята вспомнили, что я приехал на рыбалку, и очень удивились, что я ничего не поймал, ведь они пропадали на реке и озере с самого детства и никогда не возвращались без улова. Ребята решили мне помочь, но оказалось, что на обеих мормышках давно нет наживки.

– А где наживка-то? – спросил Димка.

Я посмотрел на жердину и вспомнил, что отец приклеил кусочек теста к её комлю²⁹, чтоб я не потерял.

– На чего ловил-то? – снова спросил Димка.

Я показал на жердину:

– На тесто, – и чуть не заплакал.

Ребята, наверно, поняли, что теста уже нет, и побежали искать короедов или ручейников. А я успел за это время окончательно и непоправимо запутать удочку. Так бесславно закончи-

²⁹ У спиленного дерева, бревна, жердины есть вершина и комель. Комель – толстая часть спиленного дерева.

лась моя первая зимняя рыбалка. Правда, пару небольших сорожин мне всё-таки удалось вытащить. Отец подсёк их на свою удочку, которую сразу передал мне. Это, конечно, удивительное дело, когда чувствуешь, как кто-то упрямо тянет там, подо льдом, и упирается. Сначала я даже опешил от этого, и рыбка могла уйти. Но потом опомнился и стал лихорадочно выбирать леску, выскальзывающую из моих рук. Как я второпях не оборвал свою первую рыбку об лёд вместе с мормышкой...

Удочка у отца была совсем маленькая, а вместо катушки – мотовильце, на которое наматывалась леска. Долго ещё радовала она нас удачей и почему-то всегда ассоциировалась с крупной рыбой. Моя же двухкатушечная удочка куда-то быстро пропала. Вместо неё появились две (мне и брату) похожие на отцовскую, только побольше.

Помню ещё одну мою зимнюю рыбалку на Палкинском озере. Вернее, один момент, связанный с ней. Я уже учился тогда в третьем классе и считался большим. Мне поручили на эту рыбалку отпросить с уроков младшего брата, что я и сделал. Помню, мне казалось это делом очень важным, и я побаивался. На удивление, учительница первого класса серьёзно выслушала меня, а брату сказала: «Собирайся, Андрюша».

После этого ещё несколько раз съездил на рыбалку с отцом, а потом стал ездить самостоятельно.

Все липовские ребята-рыбаки любили Палкинское озеро. Мы добирались туда (за четырнадцать километров) пешком, на велосипедах, на попутных машинах. За школьные годы дорогу до Палкина я изучил до мелочей: вот дойдёшь до этого столба, а после него будет берёза кривая, а там место, где я видел тетёру глухарную³⁰, которая бродила вдоль по бровке, как курица, и не обращала на меня внимания. И так далее.

Особенной и запоминающейся рыбалка была, конечно, в дни школьных весенних каникул. Каждый день с утра все заядлые рыбаки-школьники собирались на автобусной остановке. Человек двадцать. В толстых штанах и фуфайках³¹ или в тёплых куртках. В ушанках и шерстяных шапках. Кто-то в броднях, кто-то в резиновых сапогах, а кто-то и в валенках с галошами. Толстые штаны, часто великоватые, с трудом удавалось засунуть в узкие голенища сапог и валенок. От этого штаны на ребятах походили на шаровары. Рыболовные ящики были у всех, как совсем маленькие, так и большущие отцовские. В основном самодельные. Если ящики имелись у всех, то ледобуры таскали с собой только два-три человека.

Часто приходили на остановку за полчаса до автобуса. Шутили, разговаривали, радовались каникулам, предстоящей рыбалке. Правда, точного расписания у автобуса не было. Совхозный автобус, который привозил в Липовку из Георгиевского и Палкина работников в совхоз, возвращался без пассажиров. Вечером, снова без пассажиров, автобус катил из Георгиевского в Липовку забрать работников. Вот этими двумя «пустыми» рейсами мы и пользовались. И не только мы, но и всякий, кто хотел доехать до Палкина или Георгиевского по какой-то надобности. Что, конечно, было очень удобно. Возможно, автобус даже специально курсировал для перевозки простых людей.

Приедешь в Палкино, идёшь по деревне, хрустишь ломким ночным ледком. По дороге колеи кое-где продавлены до самой земли. В этих местах обычно лужи, и к хрусту и звону ледка присоединяется бульканье. Кажется, старинная деревня, наполненная солнцем, радуется этому звону и хрусту, весёлому разговору. Солнце уже припекает, жарко – хочешь не хочешь, а фуфайку расстегнёшь. С крыши, пока ещё нерешительно, капает. Со старого провисшего потока³² свесилась сосулька, тоже слезит, блестит на солнце. Хочется подпрыгнуть и сорвать эту сосулю, лизнуть. Почему-то верится, что она сладкая и вкусная. Вот и озеро, окаймлённое

³⁰ Тетёра глухарная – самка глухаря.

³¹ Здесь: фуфайка – ватная телогрейка.

³² Поток – водосток вдоль ската крыши, выдолбленный из ствола осины.

с одной стороны бором, а с другой – лугом, поднимающимся на высокий холм. Вдоль по берегу сухой жёлтый камыш.

Заходили мы обычно через Зимник – огромную курью³³. На льду ещё лежит снег сантиметров двадцать. От захода в озеро разбегаются две натоптанные тропинки – к противоположным берегам Зимника. Между ними несколько узких дорожек и множество одиночных следов во всех направлениях. Лёд толстый. Верхний слой его рыхлый, из застывшего маслуза³⁴, поэтому сначала шнековый бур идёт легко, потом начинает затыкаться. Чтоб было легче крутить, приходится несколько раз вытаскивать бур и стряхивать с него нарезанное ножами крошево. Под конец дело продвигается медленно-медленно, по миллиметру. Но вот наконец бур провалится, в лунку хлынет вода. Толщина льда по самую рукоятку. Чистишь лунки от крошки либо буром, выдернув его несколько раз вверх вместе с водой и крошевом, либо специальной ложкой, а то и попросту лодочкой ладони. Наморозишь её, потом сунешь в карман, а вторая рука уже в ящик за удочкой тянется, не терпит. Вообще, на озере лунок много, особенно после выходных или после того, как пройдут районные соревнования по рыбалке. Некоторые лунки промёрзли очень толсто. Бывает, легче просверлить новую, чем эту. Значит, сделаны они прямо перед морозами. Но чаще на лунках тонкий ледок. Его мы прошибали со второго или третьего раза каблуком сапога. Пробьёшь, выкинешь льдинки и удочку закидываешь. Иногда дырка получается намного меньше прежней лунки – закрайки остались. Мелкую рыбу в неё вытаскивать удобно, а вот если подцепится лещ – беда – не пролезет. Бывали лунки, наоборот, огромные, размером с тарелку, на которую в день рождения торт выкладывают. Это осенние лунки. Под снегом их разъело, и наконец они вытаяли. Такие дыры опасны, в них можно и провалиться.

В некоторых местах всё исверлено, лунка на лунке: значит, хорошо клевало. Мы любили такие места, здесь наверняка, хоть и мелочи, наловишь. Важно найти центральную лунку. Около неё обычно накидано пустых домиков от ручейников, втаяли в снег крошки земли, а следы от ящика с разных сторон. Эта лунка всегда подкормлена, и с неё можно снять сливки: за пять минут поймать два десятка рыбок. Главное, не торопиться. Стоит сразу решить, с какой стороны лунки удобнее сесть. Наживка должна быть наготове, а руки тёплые. Ловили мы на ручейников, дождевых червей и тесто. Червей копали под полом бани на другой день после помывки. При этом безжалостно выворачивали половые плахи. А отец после ругался. Ручейников ловили в Палкино на реке или в ручье Валова. Пуя от Палкинского озера метров на триста – четыреста вниз по течению покрывалась льдом только в самые сильные морозы, то есть вольно бежала почти всю зиму. Этим мы и пользовались. Бродили по реке, переворачивали топленики, утонувшие доски, камни и собирали с них ручейников – небольших червячков в домиках. На Валове всё происходило проще: в полыню засовывали веник еловых лап, а на другой день осторожно вынимали и трясли. Упавшие на снег ручейники были хорошо видны на снегу.

Тесто каждый делал по своему рецепту. Кто-то добавлял растительное масло, кто-то анис или валерьянку. Я, кроме всего прочего, мелко-мелко нарезал вату и замешивал это крошево в тесте. Такая хитрость не давала рыбе слишком быстро сорвать тесто с крючка. Бывает, хорошо клюёт только у кого-нибудь одного. Мы ходим около него, всё ближе подсаживаемся. Наконец кто-то спросит:

– Дай-ка теста твоего попробовать.

Человек расщедрится – даст одному, другому. Мы довольны, закинем и ждём. А всё равно у нас не клюёт.

³³ Курья – залив.

³⁴ Снег, пропитавшийся водой.

На каждой удочке привязывали по две мормышки. Кто-нибудь насадит на один крючок червяка, на другой – тесто и скажет:

– Бутерброд для рыб.

Обедали вместе. Соберёмся, костёр разложим, накипятим чая с брусничником, сидим разговариваем. Брали с собой хлеб, яйца и сало. Хлеб жарили на костре. Как-то я взял с собой шаньги, которые напекла бабушка Оля. Шаньги на морозе замёрзли напрочь. Я положил их на костёр на палочки. Они нагрелись так, что намазанное поверх масло зашипело. А может, бабушка масло внутрь положила. Шаньгу разрежала и положила. До чего же эти шаньги были вкусные!

Все за раз у костра, конечно, не сидели. Человек пять напьются чаю, другие пять человек подошли. И так друг за дружкой все поедем. Иной раз котелок на сучке оставляли, чтоб на следующий день не таскать. Термосы с собой не брали, они были со стеклянными колбами и часто бились. Начнёшь чаёк наливать, а в чашку зеркальные стекольшки посыплются. Посмотришь в остатки разбитой колбы, а там твоя недовольная физиономия отражается.

На автобус с озера выходили тоже заранее, чтоб не опоздать. А иной раз и опоздаешь. Тогда пешком четырнадцать километров топаешь и на другой день становишься умнее.

Очень здорово ловить на Палкинском озере, когда снег со льда сошёл. Верхние рыхлые слои льда тоже растаяли. Остался только самый крепкий, намёрзший с осени по первым морозам (сантиметров тридцать – сорок).

Идёшь по озеру. Солнце уже вовсю тёплое, ласковое, отражается от гладкого льда. Мы все загорелые, словно на югах побывали. Да и как по-другому? Солнце вдвойне нас шпарит: сверху, да ещё ото льда и снега. На левом берегу озера, по лугу, снег уже весь согнало, а на правом берегу, в бору, он ещё лежит, много, рассыпчатый и рыхлый, перемерзший в утренники. Но когда возьмёшь на рукавицу и понюхаешь – пахнет головокругительной весной.

Лунку просверлишь, а лёд как толстое стекло. Втянешь рыбку в лунку, а рыбка от ледового стекла отражается, как от зеркала. И кажется, что уже не одну рыбку тянешь, а двух. Но поднимешь из воды: «бульк» – а рыбка всего одна. Хотя по две мы тоже вытаскивали. На каждой удочке пара мормышек – вот по две рыбки и вытаскивали. А я как-то привязал одну большую мормышку да выше два крючка-заглотыша, так вовсе по три рыбки тягал.

В это время мы ловили щуку на крюки (жерлицы) как на озере, так и на реке. Ставили их ближе к берегу. Просверлишь лунку, спустишь крюк с живцом на определённую глубину. А сверху привяжешь к палочке, кинутой поперёк лунки. Я ставил около самой травки. Бывает, что и глубина-то всего метр с небольшим, а щука гуляет вовсю. Попадали как мелкие, так и крупные. Иной раз крюк только опускать начнёшь, а щука уже схватит живца, почувствуешь, как руку дёрнет. Смотришь, крюк размотался, но не до конца. Стоишь и не знаешь, что делать. Опустить крюк – спугнёшь, отойдёшь от лунки – спугнёшь. А стоять и ждать тоже глупо. Может, она схватила, накололась на крючок, да и выплюнула. Так можно полгода стоять и ждать, впустую время тратить. Я обычно отходил – спугну так спугну. Потом уж, минут через пятнадцать, придёшь: попала – хорошо, нет – сменишь живца, да и всё. Но как-то раз я не ушёл, смотрел на полураспущенный крюк. Нитка чуть-чуть колеблется – это щука живца заглатывает, орудует. Перехватила, наверно, и с головы заглатывает. А импульсы от её движений по нитке мне передаются. Через какое-то время нитка с резинки крюка колечками потихоньку стала спадать, разматываться. Съела щука рыбку, пошла дальше гулять. Да, видно, вдруг почувствовала, что во рту что-то мешает (поводок). Резко рванулась. Нитка на крюке моментально размоталась, пустую резинку под лёд уволокло. Тут я за дело взялся, потащил за нитку, вывел щуку в лунку, схватил за жабры. Вот только что она рыбку слопала, теперь я её поймал. Иной раз щука в густую траву уйдёт и там зацепится: тянешь, тянешь, а всё без толку. Прикинешь, в какую сторону нитка утянута, пройдёшь в эту сторону три-четыре метра, просверлишь лунку

и веткой с сучком, словно кошкой³⁵, щупаешь, ищешь. И вот бывает же! Подцепишь нитку. А щука, она, оказывается, тут и есть, уж тянет, палку дёргает. Вытащишь щуку на лёд всю в траве. Сколько радости, что достал ту, которую и не надеялся вытянуть: думал, уж всё, обрыв будет.

А заразился я этой рыбалкой на Пуе, в местечке Красное, что чуть выше Туймина. В Красном две большие глубокие курьи: одна – на правом берегу, другая – на левом. Весной река уже давно бежит, а в курьях ещё крепкий лёд. Иной год такой крепкий, что в мае с него ловят.

Так вот, приехали мы как-то с братом и ещё одним парнем в Красное. Зашли на лёд. Ловим, ловим, а всё без толку – не клюёт. До этого в Красном один мужик ловил щук на крюки, а теперь их убрал. И в нескольких местах валялись уже чуть распухшие, дохлые рыбки (снятые живцы). Брат ради шутки подцепил на свою удочку дохлую рыбку и кричит:

– Клюёт! Клюёт! – а сам смеётся.

Мы и верим и не верим, но всё-таки побежали к нему. А лицо его вдруг изменилось:

– Сидит. Сидит. – Сам тянет, а вытянуть не может. – В лунке застряла!

Мы побежали на подмогу, да уж поздно, брат пустую леску вытащил без мормышек. Мы поняли, что это щука схватила. Собрали дохлых рыбок, стали пробовать. Сколько же их, этих щук, там было: моментально всех наших рыбок сорвали – которых с крючка, а которых вместе с мормышками. И всё. Надо бы живцов, да мелочь не клюёт: видно, боится даже шелохнуться от засилья щучьего, запрятались по потаённым местам. А поймать-то щуку охота.

Недалеко от курьи лежала перевернутая ванна, в которой замешивали цемент. Мы смекнули, что кто-то использовал её вместо лодки. Нашли весло и поплыли втроем. Ванна, вернее, корыто качалось из стороны в сторону, через борта иной раз едва не захлёстывала вода, но на другой берег мы перебрались. Во второй курье мелочь в одном месте клевала. Правда, удалось поймать всего несколько ершей и одну сорожинку. Кое-как с нашей драгоценной добычей переправились обратно. В этот раз к делу подошли серьёзнее. Придумали такие «снасти»: леску привязать не к удочкам, а к палочкам. Живца на крючке кинуть в лунку, опустить на нужную глубину, а палочку отнести в сторону и воткнуть. Когда щука схватит, то мы увидим, как палочка упадёт и её потащит к лунке. Вот тут-то мы щуку и подсечём. Мы сделали как задумали. Взяли леску потолще, припасённую на всякий случай. Отрезали несколько кусков метров по пять, привязали крючки побольше и закинули наши ловушки... Нам не пришлось долго ждать. Одна за другой палочки попадали (почти одновременно) и очень быстро понеслись по льду к лункам. Можно было подумать, что щуки ходили косяком и прочёсывали курью цепью в надежде найти хоть немного мелочи. Но вытянуть щук оказалось не так-то просто. Тянешь, а она упирается, не даёт. Даже кажется, что зацепило. Потом – раз! – леска ослабла. Вытянешь, а рыбки уже нет, забрала. Короче говоря, всех наших живцов пришлось отдать щукам, а взамен получить только одну. Вытащил её брат. Удивительная это была щука – из пасти её наружу торчало несколько разного цвета и размера мормышек, словно украшения. И всё не наши. Щука эта напомнила какую-то сказочную хозяйку Пуи-реки.

* * *

Но особенная радость и ощущения – половить рыбу по первому льду. Он ещё совсем тонкий, иногда бур и ни к чему – пешнёй или топором лунок наделаешь. Если не было ещё снега, то лёд прозрачный. Всё видать под ним – и траву, и пузыри воздуха, в мелких местах дно и кое-где рыбу.

Здорово клюёт в это время щука. Сквозь лёд видно, как растянут крюк, сначала щука ушла в одну сторону, потом повернула. Опутала петлёй пук травы, завязала его веником и ушла

³⁵ Небольшой якорёк с тремя крючками, которым подцепляют затопленные сети или, например, достают из колодца оборвавшееся ведро.

вглубь. Подойдёшь к этому пуку травы, осторожно просверлишь лунку и возьмёшься за нитку уже после зацепы. Едва успеешь схватить нитку, а она уже натянется, резнёт пальцы руки. Щука пойдёт гулять. Видно, как она упирается, не сдаётся. Вот уже идёт под самым льдом, вот уже под ногами. Вытащишь из лунки, направишь крюк заново – и дальше. А лёд блестит на солнце как стекло. Солнце яркое. Жёлтая трава на берегу вся в инее. Сосновый бор почему-то кажется тёмным, почти чёрным, отражается в озёрном зеркале. Идёшь по этому блестящему льду. Рюкзак тяжелит щука, на плече разложенный ледобур. От ходьбы стало жарко, суконная куртка распахнута, уши чёрной меховой ушанки задраны кверху. Может, для того, чтоб не только видеть всё вокруг, но и слышать. Радость переполняет до слёз. Будто прямо по воде идёшь.

Кукино

Если Валова течёт с одной стороны Липовки, то Кукино – с другой. Кукино впадает в Валову. Ручей совсем короткий, но в трёх местах перегорожен запрудами трёх пожарных водохранилищ. Одно водохранилище около Заручья (в начале Липовки). Его строили на моих глазах. Долго ездил по грунтовой насыпи трактор, трамбуя её. Наконец рукотворное озеро набралось воды, и она полилась через трубу. Два других водохранилища находятся напротив совхозного гаража и маслозавода. Одно маленькое, а второе большое – Щербатское озеро. На нём мы зимой играли в хоккей. Ребята моего возраста почему-то все бегали без коньков, это называлось «на валенках».

Играли после школы. Уже давно темно, с трёх часов дня, но с маслозавода и гаражей светят фонари, да и луна полная, так что видно вполне сносно. Бегаем, бегаем, гоняем шайбу от ворот до ворот. Наконец устанем, ляжем на лёд и посмотрим на чёрное небо в звёздах, на луну. Отдышимся, вскочим – и снова шайбу гонять. Поле для игры чистили деревянными щитками, распахивая снег в стороны. Иногда на льду почему-то появлялись глубокие и широкие трещины. Смотришь в такую трещину и удивляешься, как глубоко промёрзло. Как-то маленькие ребята накидали на поле камней, которые вмёрзли. Старшие узнали, кто это сделал, и решили проучить. Бить не били, а заставили каток заливать. Вскоре и сами включились в работу. Воду таскали вёдрами из проруби, в которой матери полоскали бельё по субботам. Заливали до тех пор, пока камни не скрылись под водой. Зато уж хоккейное поле в том году было лучшей пробы.

Если ребята моего возраста играли в хоккей «на валенках», то ребята постарше катались на коньках. Придёт какой-нибудь один на озеро и скажет:

– Давай вы все против меня?

Мы согласны:

– Давай.

– Давай.

А нас человек десять.

И вот старшеклассник нарезает круги на коньках, ведёт шайбу. А мы за ним гурьбой с криками, размахивая клюшками. Похоже это на то, когда воробьи или ласточки от своего гнезда отгоняют ворону, намерившуюся птенца украсть. И вот несёмся, галдим. Наконец и вратарь не выдерживает, бежит нам на помощь. Старшеклассник пользуется этим, на скорости обьезжает ворота и эффектно забивает шайбу.

Но мы не отчаиваемся, готовимся к своей атаке. Даже о чём-то перешёптываемся, договариваемся, словно в самом деле комбинации готовые есть. Кивнули друг другу головами, побежали лавой, с криками. В защите никто не остался, все нападающие. Мешаем друг другу. Поскальзываемся, падаем. Вскоре шайба потеряна, и мы снова облепили со всех сторон старшеклассника, рвущегося к нашим воротам.

Крючок клюшки обматывали рулонным медицинским пластырем. Помню, я несколько дней подряд ходил в медпункт, пластыря всё не было. А потом привезли. Как я радовался, когда мне досталось целых два рулончика!

Летом на Щербатском озере, пока его не затянуло тиной, мы купались (вода прогревалась скорее, чем на реке). Здесь я проплыл свои первые пятнадцать метров кролем. На озере мы ловили карасей в морды на хлеб, часто катались на длинном шестиметровом плотике. Кататься начинали ещё весной, как только сойдёт лёд. Плотик предназначался для полоскания белья, но мы его угоняли. Он был очень намокший, тяжёлый и легко тонул. Залезут на него три-четыре человека, и из щелей между досок, настланных поверх брёвен, появится вода. Доски скользкие, иногда в мыле. Плот тяжело покачивается. Немного теряешь равновесие, и не сразу удаётся подгадать, чтоб твои покачивания совпадали с покачиванием плота. Ради шутки перейдём на

один конец, а он потонет. Кто с самого края стоит, может и сапоги зачерпнуть. Если наберётся на плот человек шесть, то он весь скроется под водой. Издали едва угадаешь очертания плота, а то и этого не сделать. Солнце заходит, озеро блестит золотом, посередке его несколько ребят застыли столбами, и только один или двое осторожно ходят между ними. От берега-то кое-как оттолкнулись, а дальше не знают, что и делать. Одно неосторожное движение – плот может потонуть любым своим краем, накрениться. Управлять плотом практически невозможно. Толкаешься, толкаешься шестом в вязкое дно, а кажется, всё без толку. Плот почти не двигается. Толкают те двое, что посмелее. Остальные стоят, согнув ноги в коленях, расщеперив руки в стороны для равновесия. Страшно. Вода-то ещё весенняя, холодная. Наконец кое-как причаливает плот к ближайшему берегу. Все по очереди спрыгивают с плота, начерпав в сапоги, и разбегаются по домам. А потом взрослые с руганью отгоняют плот на место. Проходит несколько дней, и те же ребята, хоть и боятся, снова лезут на плот и снова отталкиваются от берега.

Недалеко от Щербатского озера было второе водохранилище, небольшое. Между этими двумя водохранилищами ручеек тёк свободно (всего-то метров сто, а то и меньше). Но на этом отрезке Кукино всегда водилось очень много меев и нючей. Мы, закатав рукава рубах, ловили их руками под берегом, под камнями. Шаришь на ощупь в холодной воде, уже пальцы сводит. Наконец удаётся прижать рыбку к илистому дну или раскисшему, с корнями травы, берегу. А она так и старается между пальцами проскользнуть. Осторожно перехватываешь рыбку двумя руками и вынимаешь из воды.

Как-то мы ловили таким макаром и свою добычу складывали в небольшую лужицу, выкопанную в песке. Но этим не ограничились. Кто-то предложил перегородить ручей, как мы перегораживали весенние ручейки на грунтовой дороге. Запруду решили устроить прямо в бетонной трубе, выходящей от маленького водохранилища. Из ближайшего дома принесли лопату, и работа закипела. В дело шло всё: палки, камни и, конечно, песок. Нам удалось остановить ручей. Весь отрезок его до Щербатского озера обсох. Только кое-где остались небольшие лужицы. В них и прямо по мокрому песку копошились мейвы и нючи. Мы кинулись их хватать, собирали как ягоды и складывали в нашу лужицу. Удивлённые испуганные лягушки, лишившиеся воды, не знали, куда спрятаться, и смотрели на нашу ораву недружелюбно. В лужице уже давно кишело, даже пришлось её немного расширить. Наконец рыбки из всех легкодоступных мест были собраны, остались только две глубокие ямы. Меев в них набралось много, мы ловили их с берега; пользуясь тем, что без ручья ямы стали мельче, бродили по ним в своих коротких сапогах. В азарте мы так увлеклись, что не заметили, как прорвало плотину. Из трубы хлынула вода. Широко разливаясь по пойме ручья, пенясь, мутя песок, она понеслась на нас. Кто не успел отскочить, почерпнул сапоги. Конечно, смыло всю нашу добычу. Но мы уже забыли про неё и с криками, хлюпая сапогами, неслись по берегу рядом с потоком, наблюдая, как смело и решительно ручей возвращается в свои владения.

Первая

На Кукино между двумя водохранилищами я впервые рыбачил на удочку. С отцом. Мы были с братом совсем маленькие, и отец специально для нас устроил эту рыбалку. Привёл на место, заприметив меев заранее. Мы сидели, как мне казалось, на крутом берегу. А бережок-то, наверно, сантиметров двадцать над водой. Ещё совсем весна, солнце яркое, молодая зелёная травка только-только поднялась над землёй. Отец сидит на корточках. И сейчас мне даже кажется, что мы такие маленькие, что уместились у отца на коленях: брат на одном, а я на другом. Но нет, конечно, нет. Я стою, обняв отца, прижимаясь к его рабочему пиджаку, пропахшему лесом, смолой и костром. А младшего брата он действительно посадил на колено. Удилище короткое, размером с малинину. А может, это малинина и есть? Нет, ивинка. Отец закидывает леску выше по течению. И вот весёлый ярко-красный поплавок, крутясь на бурунах, быстро несётся к нам, проплывает мимо. И вдруг уходит под воду. Под водой он не такой весёлый, а какой-то тёмный. Отец подсекает, и к нам навстречу летит маленькая рыбка. Мейвы клюют одна за другой. Иногда какая-нибудь отцепится от крючка и упадёт на самый край берега. Тогда я бегу её хватать, прижимая к земле. Брат, хотя ему хочется, не подбегает к самой кромке воды. Боится. Для него Кукино всё ещё огромная река. Иногда отец даёт подсечь нам. Вытащенные рыбки летят от наших стараний далеко в сторону, в сырое место. Здесь растёт речной лук. И рыбок надо брать осторожно, чтоб не порезаться о жёсткие листья лука. Подняв рыбку, я вспоминаю, какой вкусный этот лук. Отец научил есть. Вытаскиваю несколько штук из земли. Отец сполоснёт в воде, достанет сердцевинки «ножечки», чтоб не повредить язык. А потом даст нам с братом, возьмёт и себе. Мы с удовольствием едим нежную белую часть. Для нас это и недостижимое мороженое, и невиданные пока бананы.

Мне кажется, в этот день меев и нючей наловили очень много. Когда пришли домой, мы с братом задремали. Устали, бедолаги. Проснувшись, я пошёл на кухню. На плите на сковородке шипело и скворчало. Пахло жареной рыбой. Раскрасневшаяся мама в косынке сказала:

– Зови всех!

Особо приятно было есть рыбу, добытую своими руками. Мы с братом сидели, как настоящие рыбаки и словно чуть-чуть взрослые. Как хозяйева какие-то. Прожаренные, пропаренные мейвы с лучком, с молочком просто таяли во рту. Их можно было есть прямо с косточками.

Как-то, уже взрослым человеком, я при маме рассказал гостям про этот замечательный обед. Но мама только удивилась. Она не помнила такого. Мы долго спорили с ней. Я рассказывал про удилище из малины, про речной лук... Мама сказала, что на рыбалку мы ходили, но меев она не жарила. Она объяснила, что жарила, наверно, мойву, купленную в магазине. А наших меев сварили курам. Я согласился, но всё-таки до сих пор верю, что ели мы тогда меев, а нючи?... – нючи пошли на корм курам.

На плотиках

Недалеко от Щербатского озера была развёрнута грандиозная стройка. Возводили не что-нибудь, а спортзал и бассейн для совхоза. К сожалению, стройка остановилась в конце восьмидесятых. Пока работы ещё велись, нас с ребятами привлекала огромная яма, выкопанная рядом со стройкой. Глубокая, метров пятнадцать в длину и метров десять в ширину. В первую же весну в яму набралось воды, и мы катались по этой луже на плотиках. Так и говорили: «Пойдём на плотиках кататься!» – и все знали, куда идти. В качестве плотиков использовали поддоны от кирпичей, притащенные со стройки. Конечно, дощатые поддоны с трудом выдерживали даже нас, но всё-таки плавали. Мы устраивали круголужные путешествия, небольшие корабельные баталии.

Как-то мы с соседом Серёгой решили поменяться плотиками прямо посерединке лужи. Сплылись и собирались одновременно перепрыгнуть с «корабля» на «корабль». Кто-то из нас замешкался, мы оказались на одном плотике, который быстро тонул под нашей тяжестью. Серёга уже почерпнул сапоги, а мои длинные, почти по колено, пока ещё не скрыло. В этот момент Серёга рыбкой нырнул в лужу, а я в ту же секунду прыгнул на порядочно отплывший второй плотик. Приземлился на него только на колени, конечно, вымочился. Когда причалил к берегу, Серёга уже разделся и отжимал одежду за кучей глины. Стуча зубами (всё-таки май), он попросил встать на шухере, боялся, что придут девчонки, а он тут голый.

Когда мы бежали домой, я спросил, зачем он прыгнул. А Серёга ответил:
– Тебя хотел спасти. Зачем обоим купаться.

Вскоре строительство совхозного спортзала прекратилось, и мы стали играть на стройке. Обычно в ляп. И как никто из нас не разбился? Каким чудом? Везде лежал битый и целый кирпич, какие-то железяки. Мы бегали по недостроенным стенам, лихо перепрыгивая с ходу через широкие оконные проёмы, залезали на небольшой чердачок-площадку, переходили по качающейся доске через какой-нибудь пролёт.

Берёзовый сок

За ручьём Кукино мы с братом и соседом Димкой собирали берёзовый сок – одна из первых наших радостей весны.

Переполненное Кукино шумит талой водой, кое-где ещё лежит снег. Рыхлый. Пройдёшь по нему ради интереса, чтоб по последнему снежку. Возвращаешься обратно с полной банкой, а оставленные на снегу следы стали огромными, как у здорового мужика, до земли протаяли. Вскоре и этот остаток зимы слизнёт теплом.

Берёзы выбирали потолще, с густой развесистой кроной. Зарубки на ней ёлочкой вниз (может, и по-варварски) делали топором. Для того чтоб бежало в банку, поставим коринку или палочку. Но сначала первые капли прямо в рот, иногда и языком слизнёшь с шершавой коры вместе с мелким мусором. Или банку подставишь, наберёшь на доньшке и выпьешь. А уж потом поставишь настояще. Утром, до школы, проверим – три литра, после школы проверим – опять три литра. Только не всегда: иной раз банка наклонится в сторону, и сок каплет мимо. Придёшь, и так жалко, что сок зря пропал. А потом, через несколько дней, сока становится меньше, и вот он вовсе перестаёт идти. По стволу берёзы ползают муравьи, тоже сок собирают, который подтекал. Но он уже портится, краснеет. Залепишь раны на берёзе чем-нибудь да и пойдёшь.

Как-то мы узнали другой способ сбора сока. Рядом с нашим домом жил старик. Мы, ребята, дали ему прозвище – Сулейман, за то, что всех он нас звал сулейманчиками.

– Ох вы, мои сулейманчики!

– Эх вы, сулейманчики!

При этом он делал вид, что хочет поймать нас, разводил руки в стороны и чуть шевелил пальцами. А сам улыбался. Мы, конечно, разбежались. Вот этот Сулейман всегда собирал много сока и делал из него квас. Как-то мы проследили за ним. Сулейман нашёл берёзу с толстой веткой, нагнувшейся к земле. Он отпилил эту ветку сразу после сгиба. Получилось что-то вроде крана самовара. И с этого крана закапало очень сильно, буквально побежало. Сулейман повесил прямо на отпиленную ветку огромную кастрюлю с марлей против сора и муравьёв и снимал сок раза три-четыре в день. Правда, чтоб добраться до ветки, Сулейману пришлось сколотить лесенку и забираться по ней. Вот из-за этой лесенки и сока он, наверно, и умер. Как-то ребята, собиравшие сок по соседству, видели, что Сулейман упал с лесенки. Поднялся, покряхтел, покряхтел и ушёл. А на другой день его нашли мёртвым у себя дома.

* * *

Как хочется иной раз попить чистого берёзового сока! Холодного, прямо из переполнившейся трёхлитровой банки. Да хоть из кружки. Но жалко ранить берёзу. Погладишь её ладонью, прижмёшься к стволу щекой – и того довольно.

Как-то после учёбы я приехал в Липовку, когда берёза уже распускает листья и сок не бежит. Но по рассказам знакомых я знал, что есть такие тенистые места в низинах, где берёзы совсем ещё голые и могут дать сок. А берёзового сока очень хотелось, хотя бы глоток. Я нашёл такое тенистое место. Деревья здесь, в самом деле, словно и не слышали про весну. Может быть, под корнями у них лежал лёд. Я рубанул по облюбованной берёзе, но сок не пошёл. Вместо этого послышался едва различимый то ли вздох, то ли стон: «Ааххх». Я почему-то подумал, что лезвие топора вошло не слишком глубоко, и ударил ещё раз. Снова довольно продолжительный звук: «Ааххх». Это вздыхала берёза, вздыхала в месте зарубки. Стало не по себе, что впустую, без дела, поранил дерево. Казалось, внутри его совсем недавно поднимался сок, но вот перестал. И вместо него из невидимых пор вышел воздух. Я взглянул вверх на

голые ветки, засунул пальцы в сделанные мной раны, но там было сухо. Залепил их скорей и пошёл домой. Что-то изменилось во мне в эти секунды. Вскоре я уже шагал по солнечному редкому леску. Под ногами радовал глаз вечнозелёный папоротник. Деревья вокруг в пухе только распускающейся листвы. Везде поют птицы. Высоко в небе летят журавли. Большой плотницкий топор в моих руках блестит отшлифованным лезвием. Тогда от всего этого мне стало легче, а тяжёлый вздох дерева я помню до сих пор.

За Кукино

За ручьём Кукино, если подняться в горку через небольшой лиственный лесок, открывалось поле, на котором несколько лет подряд совхоз сеял горох. По простоте сердечной я думал, что этот горох сеяли специально для всех жителей деревни. И все ходили туда, и взрослые и дети. Среди гороха были промяты тропинки. Мы насобиравали полные платяные сумки, пакеты, конечно, сами наедались до отвала, а иногда ещё накладывали в заправленные в штаны футболки, за пазуху. И так шли. Стручки выпирали сквозь ткань футболок, и казалось, что они выпирают из набитых до отвала наших животов. Пока идём до дома, гороха опять захочется. Сядем на лавочку и раскрываем стручки. У молодых «шанег» свой вкус, у толстых с желтизной – свой. Кожуру кидали в ведро, как лакомство для коровы или ещё какой-нибудь скотины.

Только через несколько лет наших походов за горохом я услышал от кого-то: «Надо агроному не попасться. А то на коне прискачет и плёткой выстегает». Но так ни разу никто и не приехал. И мне кажется, что совхозники на самом деле оставляли небольшой кусочек поля с горохом, чтоб ребята полакомились.

За Кукино мы собирали свои первые грибы-красноголовики (подосиновики). Правда, они здесь росли не красные, а ярко-оранжевые. До этого мы собирали подосиновики с отцом на бору, и шляпки у них были тёмно-красные, почти как у белых грибов, ножки толстые, крепкие. Уже позже каких только красноголовиков по всему нашему лесу я не видел! Разной формы, размера и, конечно, цвета. Попадались как тёмно-коричневые, так и совершенно белые, альбиноссы. Иной раз насобираешь четырёхведёрный кузов одних шляпок, плотно уложенных одна к другой, и пойдёшь домой. Перекусишь, баню натопишь и начнёшь грибы резать, на проволоки над железной каменкой нанизывать, сушить – дух грибной по всему двору гуляет.

А первые наши самостоятельно собранные красноголовики были с ярко-оранжевыми шляпками. Такими яркими, что каждая походила на солнышко, нарисованное на детской картинке. Росли они семейками штук по семь. Увидишь один, самый большой, подойдёшь, а там в траве ещё несколько штук. Три семейки найдёшь – и готово, на жарёху насобирано. Димка, сосед, и вовсе наловчился выглядывать красноголовики в отцовский мощный бинокль прямо из дома. Места запомнит, а уж потом пойдёт собирать.

Позже за Кукино, как раз до совхозного поля, сделали осек³⁶, в котором пасли частных коров. Такой же осек был и за Вальной, только побольше. В то время в Липовке набиралось более пятидесяти частных коров. Пасли их по очереди, поэтому в пастухах, или генералах, приходилось бывать один раз в два месяца. Сначала мы ходили с отцом, потом вдвоём с братом, а потом я один. Когда завели вторую корову, пасти приходилось два дня подряд. Но вообще мне нравилось. Отец или мама соберёт коров с одного конца деревни, я или брат – с другого. Загонишь коров в хорошую траву, сам расстелешь рокон на земле и ляжешь досыпать (вчера с ребятами до полночи пробегал). Трава ещё холодная, в росе, но пахнет такпряно и вкусно, что против воли заснёшь. Через полчаса вскинешь голову. В глаза резанёт светом. Солнышко уже пригревает, сушит росу. Присмотришься: коровы все ходят спокойно, жуют. Какая хвост подняла, другая лепёшки на землю шлёпает. Повернёшься на бок и опять уснёшь, свернёшься калачиком. Через час снова проснёшься. Сядешь. Тепло стало. Коровы чуть ушли в сторону. Встанешь, рюкзак за спину, рокон под мышку. С вичкой обойдёшь стадо. Покричишь, подожмёшь его в какой-нибудь угол, покажешь, что генерал здесь, никуда не делся. Теперь рокон расстелешь поближе к коровам и в том месте, через которое они всего скорее могут уйти.

³⁶ Осек – забор, огораживающий большой участок луга с перелесками и водоёмом. Забор делали из жердин или досок, протянутых параллельно земле в три-четыре ряда, один над другим, так, чтоб корове не перебраться. Где можно, доски и жердины прибивали к деревьям, где нет – вкапывали столбы и прибивали к ним.

Ляжешь и то ли спишь, то ли не спишь, этакая дрёма. И кажется, что ласковое солнце сплело из своих лучей колыбель и качает тебя в такт работающим где-то по соседству желвакам коровы. А ты хоть и спишь, но чувствуешь, как передвигается стадо, как жуют траву коровы, дышат, отмахиваются от гнуса, шумно ложатся на землю, скрипя суставами. Иной раз какая-нибудь подойдёт совсем близко, щиплет уже, кажется, у самой головы и вот сейчас за волосы схватится. Вскочишь, крикнешь:

– Ух ты! – рукой махнёшь. Оглядишь стадо: всё нормально. На большее тебя не хватает. Запутавшись в колыбели из лучей солнца, снова ложишься и дремлешь.

На самом деле коровы подходят близко, потому что чувствуют хлеб в рюкзаке и хотят им полакомиться. А ведь если замешкаешься, какая-нибудь ушлая подцепит рюкзак рогами, потрясёт его и добудет себе лакомый кусочек. Между тем солнце уже всю спарит, роса высохла, от земли тепло пошло. Просыпаешься в поту. Коровы ползут в кусты, половина стада легла. Какая-нибудь корова обязательно расположилась напротив. Лежит, жуёт жвачку, ушами шевелит и внимательно смотрит на тебя. Иногда головой дёрнет или фыркнет на слепней и мух, жужжащих вокруг неё. А так всё смотрит и смотрит на тебя, что-то своё думает. Хотя глаза у неё осоловелые, в дрёме. И кажется, знает она какую-то тайну, важную для всех. Нынешним умом думаешь: а что если бы с ней в гляделки сыграть? Наверно бы, проиграл. Утонул бы в её осоловелых и, может, потому бездонных глазах. А корова всё глядит и глядит. Может, она, как brave солдат, ждала приказа от своего генерала: «В атаку! В последний бой!» Но генеральские погоны пока надевать рано. Коровы наелись и отдыхают. Встанешь, обойдёшь стадо, прикинешь, все ли коровы в куче. Время уже к полудню, можно костерок развести, чаёк вскипятить. Котелок маленький, литровый – из жестяной банки. Вскипает моментально на небольшом костерке. Дрова, тоненькие ветки, прогорели как спички, огня уже не видно, только дымок. Иногда он повернёт в твою сторону, обдаст едкой теплотой. Скинешь сапоги, портянки размотаешь, постелешь на траву, чтоб проветрились, просохли. Сидишь, голыми пальцами ног пошевеливаешь.

Чай сладкий, горячий, солнечные лучи в кружке купаются, вкусу добавляют. Из паужны³⁷ два варёных яйца, огурцы, несколько перьев молодого лука, вырванных прямо с корнем, чёрный хлеб. Хлеб посыпан солью, от этого он словно мокрый слегка, но какой вкусный! Конечно, мама что-нибудь и сладкого положила.

Наешься, почему-то сразу зазеваешь, захочется разлечься на траве, как коровы, и жевать, вернее, дожёвывать кусок хлеба или огурец, и подрёмывать.

Но дремать не стоит. Костёр, словно понимая это, вдруг дунет в глаза остатками дыма, да такого едкого, что до слёз. Встанешь, пройдёшься босиком вдоль стада туда-обратно. Главное, в коровью лепёшку не угодить. Ступням невероятно хорошо. Кажется, от них, размятых неровностями и травой, поднимается какая-то особенная кровь, прикоснувшаяся к земле.

Дремать нельзя потому, что пора превращаться в генерала. Коровы уже чего-то надумали, с них словно слетела дрёма, висевшая до этого над стадом в виде прозрачного ажурного тюля, привязанного за рога. Но вот одна корова встала, вторая, замычали, пошли.

Бежишь к рюкзаку, шлёпая босыми ногами. Наскоро наматываешь портянки, натягиваешь сапоги. Рюкзак уже предусмотрительно собран. В руки гибкую генеральскую вицу, пошёл генеральский голос отрабатывать:

– Куда пошли?! Эх вы!!!

Теперь надо их направлять. Сначала «голову» приостановишь, потом фланги. Коровы не сразу поймут, в чём дело. Пробежишь пару раз от фланга к флангу, и вот они повернули, пошли в нужном направлении. Пустишь их по ручейку напиться, потом через лес в тенёчек,

³⁷ Паужна – перекус между обедом и ужином, полдник.

потом в дальний угол к забору. Главное, чтоб не разогнались чересчур, а то не остановишь, и они самостоятельно будут ходить.

После нескольких «переходов» коровы промнутя, порастрясутся и снова начнут щипать траву, правда, не так рьяно, как утром.

Надо следить, чтоб подчинённые твои от безделья не бодались, не копали землю рогами. Очень важно заметить, если какая-нибудь корова загуляла, а потом рассказать об этом хозяину.

К вечеру коровы начнут продвигаться к выходу: наелись, вымя уже полное, да и каждая хозяйка приготовила что-нибудь вкусное для своей кормилицы. Но пасти по времени еще больше часа. Пропускать коров к узкому горлу выхода ни в коем случае нельзя. Собравшись в кучу между двумя рукавами забора, они могут поранить друг друга.

Как-то осенью, когда травы в поле уже почти нет и коровы рвутся домой почти с обеда, я пожалел одну нетель³⁸. Пропустил её к выходу. «Пускай, – думаю, – пасётся сзади меня, никуда не денется». Но остальные коровы, заметив, что одна из них перешла через невидимую черту, решили, что уже всё, можно. Можно идти. И вдруг ринулись к выходу лавиной, взгляывая на ходу. Тут как бы не затоптали.

Чтобы коровы не прошли, займёшь самое удобное место, какой-нибудь наблюдательный пункт на бугорке. Тех, что ломятся напрямую, просто поворачиваешь, и они, отбежав немного, вдруг как ни в чём не бывало начинают щипать траву, может быть, показывая, что во всём послушные. Но есть хитрые коровы. Такие пробираются далеко по кустам, обходят вокруг, чтобы выйти на чистое место где-нибудь за соседней горушкой и пройти к воротам незамеченными. Но я, конечно, разгадываю их немудрёный план. В нужный момент огибаю горушку с другой стороны и появляюсь перед лазутчиками как из-под земли. Обхитрённые коровы стоят с десяток секунд в замешательстве, они своим коровьим умом никак не могут понять: как это так, только что никого не было – и вот человек. Может, они даже думают, что им это кажется. Но вот я взмахиваю вицей и кричу:

– Эх вы!

Они резко, одним толчком поворачиваются и бегут обратно. Но хитрых своих планов не оставляют и минут через пятнадцать снова идут в обход и снова удивляются моему появлению. Как-то такие прорывы прямо с полудня делала одна молодая коровка. Она недавно отелилась и, видимо, рвалась к своей телушке. Корова эта пробиралась по кустам особенно незаметно, а выскочив на чистое место, неслась галопом. Я, в свою очередь, как спринтер бежал ей наперерез, прыгая через ямы. Часто её удавалось остановить только перед самым забором, когда она уже намеревалась с разгону, как заправский скакун, перемахнуть его, возможно, повредив вымя. Ох и набегался же я в тот день.

Но это всё – если день погожий и трава хорошая, сытная.

В дождь или в морозгу, понятное дело, не поспишь. Ходишь и ходишь в роконе или плаще, а к вечеру всё равно промокнешь, как-то отсыреешь. Хорошо, если успеешь в такой денёк разжечь костёр, погреться около него. Даже когда от него один дым останется, тоже хорошо: будто ты не один.

Ещё хуже дождя, когда травы нет. Коровы беспокойные, всё куда-то убрести норовят. Иногда на два-три стада делятся. Заползут куда-нибудь в кусты, и не видать их. То и дело бегаешь, разыскиваешь, упражняешься в устном счёте, пересчитываешь. Иной раз выгонишь стадо в деревню, а одной коровы не хватает. Бегаешь, ищешь, а её всё нет и нет. Хозяин тоже разыскивает, кричит по имени:

– Милька! Милька!

Наконец в каких-нибудь неприметных кустах, в каком-нибудь дальнем углу, вдруг шевельнется ветка, ещё раз. Присмотришься и заметишь среди листьев тёмный коровий бок

³⁸ Корова, которая ещё ни разу не телилась.

с белым пятном-звездой. Вот ведь! Корова стоит как ни в чём не бывало. То ли потерялась и во времени и в пространстве, то ли забылась чем-то своим. А может, нашла сладкую травку и тайком от остальных её жевала.

Погонишь коровку, и она пойдёт пословно напрямую к выходу, будто только меня и ждала. Самое время, кажется, закричать на неё, хлестануть вицей, чтоб помнила и больше не пряталась. Но рука не поднимается. Во-первых, радостно, что нашлась, а во-вторых – не хочется одним ударом рушить какую-то личную тайну, появившуюся у этой скотинки.

Ещё сложнее пасти коров поздней осенью, где-нибудь в середине октября. В это время стадо гоняют далеко на сенокосные поля, на отаву. Хорошо, если выдался погожий денёк, но часто сеет дождик. Холодно даже в свитере, тёплой куртке и суконных портянках. Понятно, что забора в полях нету и за коровами надо следить ещё внимательнее. Здесь уж если потеряется, то в ближайшем лесу сыскать сложно.

Кроме частных коров на полях пасётся большое колхозное стадо. И надо не прохлопать глазами момент, когда оно покажется на горизонте. Если оно подойдёт близко, может случиться беда. Два стада, как две воинствующие группировки, выставят вперёд рога и пойдут в атаку. Дружелюбные до этого коровы превратятся в страшные танки. Тут, пожалуй, одному генералу не справиться и самое время разжаловать его в рядовые. Хорошо, колхозных коров пасут два-три человека на конях.

Осенью земля холодная, коровам на ней лежать нельзя. Пару минут какая-нибудь отдохнёт, и уж бежишь её поднимать. Нельзя давать есть много клевера, так только, полакомиться. От холодного осенью клевера у коровы может сделаться заворот кишок, и она умрёт. В те дни, когда я был в пастухах, подобный случай произошёл в соседней деревне. А клевер в отаве выглядел лучше, гуще и зеленее, чем другая трава, даже успевал выпустить головки. Поэтому коровы издали шли к нему.

Если посерединке поля сено убрано, то по закраям его, в закутках и на частных наделах – копны. Разные: колоколом, яичком, кособокие и стройные. Видно, что их топтали люди, приехавшие в нашу деревню из разных мест Архангельской области. Редкая из копен стояла в ограде от скотины. Поэтому коровы немилосердно трепали бока у этих копен, если, конечно, их не отгонишь. А копен несколько. Вот и бегаешь от одной копны к другой – гоняешь. Иной раз спрячешься за копну, вожмёшься в неё. Знаешь, что идут две коровы, торопятся, наверно, мысленно сенцо жуют. Выскочишь, когда они уже рот откроют, пуганёшь. Какая-нибудь даже вздохнёт от удивления:

– Ооххх!

После этого долго не подходят.

Интересно, что коровы не трогают копну, если она стоит непочатой, с тёмным слежалым сеном сверху. Но вот какая-нибудь самая ушлая догадается вырвать клочок золотого с зеленцой сенца, и уже всё стадо стремится к ней. Видимо, яркое свежее сенцо хорошо заметно на тёмном фоне копны, и, конечно, по ветру далеко разлетится запах. Даже если копна почата день, два или даже неделю назад, коровы всё равно стремятся к ней, как к своей кормушке. Но особенно они любят какие-то определённые копны. К ним их тянет, как магнитом. Видимо, эти копны складывали с солью и, пока топтали, высыпали пачки две-три.

За день на такой осенней пастьбе так вымотаешься и набегаешься, что едва домой придёшь. Закроешь глаза, и всё мерещатся коровы. Чёрные, чёрно-белые, рыжие. Большие и маленькие. Жующие траву, мычащие, рывком головы в сторону и вверх выдёргивающие пучки сена из копны так резко, что сенинки летят по ветру. Где они, эти коровушки?

Охота

Дед мой и отец были штатными охотниками. Поэтому многое у меня и брата было связано с охотой, которой мы дышали с детства во все наши маленькие лёгкие. На чердаке, привязанные за рёбра крыши, висели связки капканов, от кротоловных до огромных волчьих. Капканы валялись и на дощатом полу кучами: ломаные и со слабыми пружинами, различных номеров³⁹ и конструкций. С утяжелителями, толстыми и тонкими цепочками, тросиками. Особенно мне нравились рысьи и заячьи. По размерам дуг и пружин они выглядели даже больше волчьих. Правда, железо для этих капканов использовалось какое-то тонкое, а пружины оказывались в несколько раз слабее. (Может быть, конечно, они ослабли от времени.) Но мне нравилось, что я уже лет в десять мог взвести их и правильно установить побивку. Взведёшь, осторожно отпустишь руки и выдохнешь, что капкан не сработал, не щёлкнул у тебя перед носом, не ударил по пальцам или не защемил рукав пиджака. Поставишь капкан на пол, оглянешься вокруг, словно надеясь, что кто-то похвалит, но никого нет. Только связки капканов на балке крыши, сушатся на жердинах сети, в углу желтеет берестяной короб. Пахнет пылью, ржавым железом и кирпичом печной трубы. Кое-где из щелей между крышей и срубом пробивается дневной свет. Окно где-то далеко на фронтоне словно опущено белым светом. А на чердаке полумрак. Слышно, как по двору прошёл отец с бидоном воды на тачке. Снова пошёл за водой, пустой бидон звенит громко, а тачка не охает и кричит, как в первый раз, а молодецки ухает и покрывает. По дороге проехала машина, приостановилась, видимо, напротив отца, который уже вышел на дорогу. Около курятника кудахчут куры. Снова взглянешь на капкан. Стоит. Представишь, как на побивку наступает зверь, иногда для наглядности сунешь в капкан палку или ручку старого вичного веника, а потом долго выручаешь её из железной хватки. Но больше я любил побивать капкан не так. Вдруг резко сунешь руку под дугу и смело нажмёшь на побивку. Капкан сработает, чуть даже подскочит, нисколько не повредив мне. Ребята, которые не знали, как действует капкан, поражались моему «трюку».

Кроме капканов на чердаке можно было найти различные правилки⁴⁰ для сушки пушнины, охотничьи широкие лыжи, лыжные палки, время от времени рога лося (которые отец обычно дарил) или клыки и шкуру кабана.

В доме около печки, начиная с осени, у нас всегда сушились какие-нибудь шкурки: куньи, беличьи, норчьи. После того как шкурки высохали на правилках, они висели какое-то время привязанные за гвоздик в матице. Проснёшься, откроешь глаза и в полумраке утра увидишь, что прямо над тобой чернеет шкура выдры. С утра отец снял её с правилки и повесил досыхать. Поднимешься с кровати и потрогаешь хвост выдры. Сам он пушистый, а мездра⁴¹ чуть жирная.

Как-то у нас, привязанные к матице, висели шкуры двух крупных волков. И хотя до потолка два семьдесят, шкуры почти касались своими хвостами пола. Отец добыл этих волков случайно. Пошёл проверить капканы, и вдруг недалеко от деревни, где заканчиваются совхозные поля, наш пёс Соболь стал странно себя вести. Соболь был одной из лучших наших собак, и отец понял – что-то не так. Соболь убежал в лес, лаял и возвращался обратно к хозяину.

³⁹ Номер капкана соответствует его размеру. Самый маленький – нулевой, нулёвка. Потом первый – самый ходовой, второй, третий. Седьмой, волчий, самый крупный. Есть ещё медвежьи капканы, но никакого номера у них не было. Это штучные капканы, редкие, просто огромные, в моё время уже не использовавшиеся.

⁴⁰ Правилка – две специально оструганные планки или бруска, с одного конца соединённые проволокой. Правилка расширяется буквой «л». Сложенную правилку вставляют в шкуру зверя, снятую чулком, а потом разводят планки в стороны до нужной ширины и закрепляют. Для шкурок белки, горностаия используют правилки из одной планки, оструганной чуть на конус.

⁴¹ Внутренняя часть шкуры.

Он лаял так, словно дразнил кого-то. Так и оказалось. Бесстрашный пёс выводил на хозяина волка. Сначала волк гонялся за собакой где-то вдалеке, потом стал набегать всё ближе. Пёс каждый раз прибежал к хозяину, а потом возвращался дразнить волка. Тот уже даже несколько раз мелькнул за деревьями. Отец понял, в чём дело, и приготовился. Наконец волк не выдержал и понёсся за собакой, на глазах сокращая расстояние. Отец выстрелил.

По следам он узнал, откуда прибежал волк. Там на снегу серело что-то ещё. Это был второй волк, вернее волчица. Рядом всё истыкано копытами лося. Видимо, пара волков поджала лося, двухгодовалого бычка⁴², к самым деревенским полянкам. А он не хотел выходить на чистое и к человеческому жилью. В критический момент лось дал отпор и убил нападавшую волчицу копытом, а сам ушёл невредим. Самец, пока волчица ещё сохраняла свой естественный запах, находился при ней, может быть в надежде, что она встанет. Как только запах пропал, голодный волк решил полакомиться своей подругой. Уже выхватил пару кусков с живота. В это время и подошли отец с Сободем.

Волчицу отец ошкурал в лесу, а волка принёс домой. Он лежал в предбаннике на полу. По окраске до мелочей походил на нашего Соболя. Когда я приоткрыл дверь в предбанник и взглянул на волка, то в первую секунду подумал, что это Соболя. Я даже растерянно обернулся назад, ища взглядом нашу собаку. Соболя стоял около моих ног, помахивая хвостом. Абсолютное совпадение окраса доказывало, что в его жилах подмешана волчья кровь. Правда, волк был в два раза больше.

По осени или добытых «на ружьё» зверей отец обычно оснимывал⁴³ прямо в лесу. Но вот зимой в холода приносил домой. Замёрзшие в ледышку, они долго оттаивали около печки или на печке. А мы рассматривали. Куницы, хорьки, норки, выдры.

Как-то отец принёс в рюкзаке рысь. Я тогда лежал в постели с сильным гриппом. Температура поднялась к сорока, а то и выше. На мне было навалено несколько тёплых одеял и какая-то тяжёлая шуба. Слабость была такова, что я не мог повернуться под этой горой утепления. Мама боялась за меня, потому что у меня синели губы. И вот отец принёс рысь. Ему удалось взять её живой. Он связал ей лапы и торопился принести и показать.

Помню, в доме все вдруг оживились. Я почувствовал это оживление. В комнату вошла мама. Она на удивление весело и легко сказала:

– Там папа рысь принёс. Хочешь посмотреть?

Я, конечно, хотел.

Мама отвернула в сторону шубу и одеяла и помогла мне встать. Ноги, руки, всё тело сильно ломало, но я пошёл сам. Я не понимал, как я иду, но шёл. Протопал по комнате, по коридору, по холодному коридорчику и оказался на кухне.

Помню отца, присевшего на корточки, с улыбающимся лицом, красным от мороза и ветра. Он уже без шапки, но ещё в суконной куртке, на которой кое-где пристали снежные ледышки. Большие валенки все в этих ледышках-катышках. На плечах у отца, на суконной куртке, тёмные натёртости от лямок рюкзака. Сбоку в лицо мне заглядывает мама. Она сдержанно-испуганно улыбается, словно поджимает губы. Печка топится: играет огонёк сквозь щёлочки дверки. На плите что-то шипит – жарится. Помню огромный серый рюкзак-колобок на полу, с чуть задубевшей от снега и мороза тканью. Отец распахнул его, что-то показывает. Но рысь я не помню. Я смотрел несколько секунд, но не помню рыси. Вдруг я почувствовал, что сильно замёрз. Может, от обледеневших валенок отца, может, оттого, что прошёл через холодный коридорчик. Мне кажется, что уже в бессознательном состоянии побрёл назад, цепляясь за стенки и косяки. Голова болела. Каким-то образом оказался опять на своей кровати

⁴² Охотники называют лосей не «лось», «лосиха», «лосёнок», а «бык», «корова», «телёнок», «бычок».

⁴³ Шкурал.

под горой утепления. Почувствовал на лбу холодную ладонь мамы и уснул. А на другой день проснулся без температуры и быстро пошёл на поправку.

На крота

Наша охота с братом началась с ловли кротов. Штатные охотники, такие как отец, всегда летом в межсезонье занимались кротоловством. На незатейливых шкурках кротов можно было неплохо заработать. Меня впечатлило, когда наш двоюродный брат, который чуть старше, с помощью деда наловил за месяц на хороший магнитофон.

Отец приносил кротов помногу, шкурки растягивал с помощью гвоздиков на широких досках и сушил прямо на улице. Мы смотрели, как он это делает. И наконец, взяли несколько кротоловок и пошли на охоту сами. Не знаю, по сколько лет нам было, но заборы и калитки ещё казались очень высокими, а мне с большим трудом удавалось взвести самые слабые кротоловки.

Отец рассказывал, а может, даже показывал, как надо ставить кротоловки на переходе нор через тропинку. Мы вроде сделали всё по правилам. Спустились к Валуве, где проходила тропинка к нашей полоскальне, и прямо перед ручьём, отмахиваясь от комаров и марая лица землёй, поставили несколько кротоловок. Но кроты не попадались. Хорошо, если кротоловки оставались целыми, но часто коровы втаптывали наши проволочные капканы в землю. Я смутно догадывался, что ставили мы вовсе не в норы, а в глубокие следы от коровьих копыт. Но почему-то надеялся. Брат был совсем маленьким и доверял мне. Каждый раз, когда мы раскапывали очередной глубокий вдавыш от коровьего копыта, нам казалось, что всё-таки это нора и она в самом деле продолжается.

Наконец мы отважились пойти дальше, ушли за Валуву. Нашли место, где земля твёрдая и коровы не могли её продавить, нашли и нору. Точно настоящую.

Не сразу, но крот попал. Невозможно описать нашего удивления и радости, когда, потянув за кротоловку, из земли мы вдруг вытянули крота. Я посмотрел на брата и смог сказать только:

– Ля-ля-ля.

Брат мне ответил:

– Ля-ля-ля.

Мы шли домой и несли свой трофей с таким чувством, словно добыли медведя.

Шкурать не умели. Пришлось ждать отца. Когда он пришёл, то объяснил, как и что надо делать. Вместе с нами наколотил шкурку. Пятью гвоздиками: четыре по сторонам и один вверху, где нос. Получилось что-то вроде домика с детского рисунка или открытого конверта. В том году это был наш единственный крот. Можно сказать, мы ограничились одним зверем.

Позже отец чаще стал брать нас с собой. Потом показал путики⁴⁴ недалеко от деревни. Первый раз кротоловки разнёс и расставил вместе с нами, а проверяли мы сами или иногда с отцом.

Кротов ловят обычно в июле, когда они начнут активно «гулять» по своим норам, а молодняк уйдёт из семьи и сделает новые ходы. В это время шкурка зверя становится спелой: шёрстка красивой, а мездра – белой и крепкой. Отец говорил, что спелая шкурка очень крепкая на разрыв:

– Никогда не порвётся.

Ловили мы кротов по лесным тропинкам и дорогам. По дороге очень удобно идти и, конечно, сразу видно, где крот прошёл. Это основная нора, потому что копать твёрдую утоптанную землю тропинок и дорог не так-то просто, и крот ползает одним ходом. Иногда он преодолевает дорогу и вовсе поверху, а потом снова уходит в землю. Капканы ставили с той и другой стороны дорожки, чуть раскопав нору. Самая беда в это время – комары и мошка.

⁴⁴ Путик – дорожки, по которым охотник обходит свои капканы и охотничьи места.

Опустишься к земле, а они тут и есть, снизу-то их больше. Пока нору раскапываешь, кротовку устанавливаешь, минута кровососущих насекомых: облепят все ладони с тыльной стороны, лицо. Некоторые заберутся в рукава или за пазуху, если ворот плохо застёгнут. А вокруг столько кисей висит: пищат, жужжат, в глаза, в уши лезут. Дуешь на них, дуешь, как богатырская голова на Руслана, да всё без толку. Тут вместо Руслана сотни всадников с острыми носами-копейцами. Что поделаться? – терпеть их укусы: руки-то заняты и в земле, много лицо не пообтираешь. Наконец установишь кротовку, укрепишь её, сверху брешь в норе закроешь пучком травы или мхом. Поскорее поднимешься, и бежать. Как же хорошо, легко лицу, ветер его омыл. Кажется, что сняли с головы кусающий, щекочущий мешок. Но это ненадолго, через несколько десятков метров следующая нора.

...Как-то раз, помню, на одной небольшой речке в низине да в безветрие захватили меня комары, мошка и слепни. Чуть только не задыхаешься, чихаешь да отфыркиваешься. Тут сколько руками ни маши, лицо ни утирай – не отобьёшься. Комариной мази у меня не было, да я в то время ею и не пользовался, не переносил разной химии. А в накомарниках в деревне никто не ходил, словно и не знали про их существование. Комары, мошки, кажется, уже так лицо искушали, что на нём живого места нет. А они ещё добавляют: колют и колют, ползают по коже. Пот по ранкам течёт, от этого ещё больнее. Иной раз умоешься из речки водой, кровь смоешь, и на несколько секунд облегчение. Но потом комары на мокрое ещё сильнее летят.

Наконец поднялся от речки, вышел на бугорок. Думаю, станет легче. Но не тут-то было – нету ветра. Кусают со всех сторон, под рубашку, в рукава лезут. Кажется, комаров столько, что, лишь смиришься с судьбой, подхватят они тебя за руки, за ноги и унесут по воздуху, куда им надобно, доедать... Выскочил на совхозные поля, не отстают, грызут, кусают. Кажется, ещё больше стало. А слепней сколько! Ладно, думаю, выйду на большую дорогу, на асфальт – вот полегчает. Но и на асфальте не отстали, кусают, ползут в глаза, в нос. А каждое прикосновение для растрепанной кожи неприятно до нервного тика. Я уже и побегу – всё без толку. Бежишь, бежишь, топя тяжёлыми резиновыми сапогами по асфальту, обернёшься, а весь этот гнус, другим словом и не назовёшь, за тобой шлейфом летит, уже догоняет. Хоть реви. На моё счастье, ехал по дороге мужик на мотоцикле с коляской, остановился, посадил на заднее сиденье, только после этого комары отстали. Как же было приятно подставлять искусанное, напотевшее лицо встречному ветру! Хорошо помню, как подъезжает, тарыхтя, зелёный мотоцикл «Урал». За рулём пожилой серьёзный мужик в синем шлеме. Я проворно хватаюсь за кольцо-ручку заднего сиденья, заскакиваю на него, и мы едем. Я так и не узнал, что это был за мужик. Может, он не из нашей деревни и, может, приезжий. Но каждый раз вспоминаю его добрым словом.

Дома я посмотрел на себя в зеркало. Лицо чуть припухшее и всё словно в мелких частых порках – дырочках от укусов. Казалось мне, что кожу с лица сняли, потом долго чем-то намазывали, мяли, кололи. Наконец, выделали (как выделывают шкурки животных) и напялили на голову сохнуть, словно на правилку. А на следующий день – снова идти в лес.

Иногда на узкой, поросшей травой тропинке кротовую нору не видно. Тогда ищешь её ногами: идёшь коротким шагом, приступая на пятку, этак пританцовывая: «Встану сперва на носок, а потом на пятку!» Удивительное, конечно, чувство, когда каблук сапога проваливается в маленький подземный ход – вот и нора.

Сначала кротов попадает много и на всех норах. Потом на новоделах (ходах молодых кротов) капканы остаются пустыми. Зато на центральных норах попадает исправно. Отец называл такие норы старинными. Они обычно глубокие, красивые на вид и хорошо вычищены от земли. Возможно, на них ловил ещё дед, а может быть, они были проложены ещё до его рождения.

Я заметил, что, сколько ни лови кротов, в итоге число их не уменьшается. Остаются старинные норы, с каждым годом появляются новые. Позже, когда кротов перестали добывать, они пришли в деревню.

Весной, перед тем как сдавать основную пушнину, отец приводил в порядок и кротовые шкурки. Мы с братом выкладывали их на полу, как карты гадалщика. Получался красивый большой коврик. Очень радостно было знать, что к сдаче пушнины, настоящему делу, причастны и мы.

На ближайших ручьях

Вскоре мы стали с братом не только заниматься кротами, но и ловить на ближайших к деревне ручьях норок и хорьков. Помню, что долгое время даже самые маленькие капканы нам удавалось зарядить только с помощью ног. Для детских рук пружины оказывались слишком тугими, и мы боялись прищемить пальцы. У способа заряжать капканы ногами – свои минусы: необходима твёрдая поверхность. На земле, на снегу капкан попросту вдавливается в мягкое и рыхлое, а пружины совсем не поддаются. Бывало, на досках чердака до того ловко натренируешься взводить, что уж считаешь себя мастером. Но придёшь на ручей, а ничего и не получается. Хоть дома взводи, а потом до места носи. Так отец поступал с волчьими, только верёвочками для надёжности свяжет, а при установке вязки перережет. Я, конечно, так не делал. Приловчился заряжать на корнях деревьев. Тут необходима особая виртуозность – корень округлый, с него капкан соскакивает, а если ты ещё и в мягких валенках, вовсе беда.

Когда я чуть подрос, то уже легко стал заряжать капканы на колене. Помню, тогда шалаши на норку я делал, словно дома строил. Для этого надо было ловко и в нужном месте перегородить ручей. Сначала положишь прямо в воду валежину, по которой зверь пойдёт. Потом лишние проходы ёлочками заткнёшь. Сверху, с берега на берег, ольховых жердей накидаешь (словно это стропила крыши). На жердины елового лапника наладёшь. Вот и готов шалашик.

Я рубил ольшинник и еловые лапы где-нибудь в сторонке, чтоб не привлекать внимание человека и лишний раз не пугать зверя. Но при устройстве шалаша сильно усердствовал: затыкал ёлочками проходы до такой степени, что, заиленные, они плохо пропускали воду. Из-за медленного течения ручей в этом месте быстро покрывался льдом, а потом и маслузом, вода шла верхом. Капканы замерзали (закипали). И тогда ловить дальше не было смысла. Но крыша у шалашика получалась очень прочная. Как-то к деревне подошло большое стадо кабанов. Они легко перебрались через Валову по моему шалашу, как по мосту. Ставил капканы я не только в шалашиках, но и устраивал что-то подобное под небольшими деревянными мостиками через ручьи.

Однажды под мостиком ставил капканы на ручье Черничном. Был выходной. Я проснулся пораньше, а на улице выпал первый снег. Ещё с ночи приморозило, поэтому снег не тает. Лежит на деревьях, на траве, на грунтовой дороге. А белый от снега свет вливается в окна, и кажется, что в комнатах от этого светлей.

Я быстро позавтракал, собрал, что нужно. Надел резиновые сапоги с толстыми портянками, тёплые брюки, ушанку и новую фуфайку, которую только на днях купила мама. Когда вышел на улицу, то даже чуть не задохнулся от радости и свежего морозного воздуха. В фуфайке тепло, хорошо, а лицо чуть холодит. И кажется, что обновлённая, побелённая снегом земля чем-то сродни моей новой фуфайке, от которой ещё пахнет магазином. Снег на траве, на заборах, на деревьях искрится на солнце. Под тонкой снежной простыней, постеленной на грунтовую дорогу, угадываются затвердевшие следы от протекторов машин, велосипедных колёс (узкой полоской), каблуков сапог. На редких лужах лёд не тонким стеклом, а уже довольно крепкий. Его продавливаешь с трудом почти всем весом, иногда с хрустом. В пролом набегают мутная вода лужи и смывает снежные белила со льда.

Сразу за деревней из канавы выскочил заяц. Он побежал как-то нерешительно. Может, боялся первого снега, а может, думал, что всё ещё серый – зеркала-то нет поглядеться.

Ёлочки я срубил заранее. Перешёл ручей по мостику и пошёл дальше как ни в чём не бывало. Только пройдя метров пятьдесят, вернулся. И прямо с мостика прыгнул к ручью. Это маскировка следов от любопытного человека – зачем каждому знать, что я здесь капкан ставлю.

Помню, долго возился, ползал под мостиком, рискуя зачерпнуть сапоги, согнувшись так, что спину заломило. Наконец всё поставил. Осторожно вернулся на следы и пошёл домой.

Новая фуфайка моя вся была изгваздана в песке и земле, в какой-то грязи. Довольный и переполненный светлым морозным днём, я не придавал этому значения. Заметив грязь, мама ни слова не сказала, а на кухне уже ждал вкусный горячий обед.

Кроме капканов ловили мы ещё в плашки, проскоки. А как-то пробовали ловить в ледовую западню. Для этого набирали железное ведро воды и выставляли его на улицу. Когда сверху замерзал толстый лёд, в нём пропиливали аккуратное отверстие, воду выливали, а ведро заносили в тепло. Оказывалось, что вода замёрзла не только сверху, но и по краям вдоль стенок и на дне. Чуть постоит ведро дома, металл нагреется, и лёд отойдёт от стенок. Тогда достанешь из железного ведра – ледяное. Потом утащишь на санках куда-нибудь к ближайшему ручью. В отверстие сунешь приманку. Зверёк залезет внутрь, а обратно по ледяным стенкам выбраться не сможет. Правда, по-моему, никто в такую ловушку так никого и не поймал. Но замораживать эти ледяные ведра было интересно.

Хотя я делал шалашики тщательно, звери мне не попадали. Брат ставил капкан кое-как, привязывал его на верёвку. При этом часто оказывался с добычей. Видимо, я слишком сильно думал о своих ловушках. Позже заметил, что, как только забудешь о них, сразу попадёт.

Открытие

Из ружья первый раз я выстрелил лет в семь, а может, раньше. Правда, по цели. И конечно, мечтал об охоте. Будоражили рассказы отца о том, как началась его охота с ружьём. В семь лет он уже добыл своего первого рябчика. Жили они в деревне Михайловке. Его мама, моя бабушка Ирина Ивановна, пошла полоскать бельё на ручей Татаурово. Взяла с собой сына, а он взял ружьё. И вот на соседнем бугорке на осинке выглядел рябчика. Целился с приклади⁴⁵, тяжёлое ружьё покачивалось, но всё-таки попал. Рябок упал не сразу, перепорхнул через вздрогнувшую от выстрела Ирину Ивановну и упал замертво рядом с бельевой корзиной – гольтинницей. словно кто специально положил первый трофей сына к ногам матери. На охоту отец ходил вместе с соседом-одногодком. Для обоих ружьё было слишком велико: нести как обычно, на ремне, нельзя – приклад по земле волочится. Поэтому клали они его себе на худенькие плечики, как брёвнышко: у одного приклад, у другого ствол. И так отправлялись на охоту, словно несли не ружьё, а небольшую пушку. Стреляли с приклади. Наверно, подготовка к каждому выстрелу тоже была похожа на наводку дальнобойного орудия.

Долгое время я думал, что отец вовсе не мажет никогда, все его выстрелы достигали цели. Помню, как на моих глазах он взял двух уток, разлетевшихся в противоположные стороны, сначала выстрелив в одну, а потом во вторую, при этом быстро развернувшись корпусом на сто восемьдесят градусов.

Не забыть мне своего первого открытия охоты на боровую и водоплавающую дичь. Не забыть какого-то запаха или чувства от этой охоты. Открывали охоту всегда в последнюю субботу августа. И обычно все охотники в один день. Это было как праздник. Ещё за неделю до открытия отец пообещал мне, что даст выстрелить из ружья. И я по-своему готовился, представлял, как это будет. Вечером за день до открытия мы заряжали патроны. Отец доверил мне насыпать дробь металлической меркой. Мы сидели на полу. Сначала отец из гильз шилом вытащил старые капсюли, потом заколотил новые. Бездымный порох «Сокол» тоже насыпал сам. Когда вгонял в патроны бумажные пыжи, они заходили со скрипом. После этого начиналась моя работа. Из тяжёлого, пока ещё полного мешочка я нагребал металлическую мерку дроби «чуть-чуть с горушкой» и осторожно высыпал её в патрон. Один раз дробина укатилась под диван. Я долго искал её там на ощупь, взяв по пыльному полу ладонью, и наконец нашупал. Когда вылез из-под дивана с покрасневшимся от напряжения лицом и опустил дробину в патрон, отец сказал:

– Вот её-то как раз бы и не хватило.

Не знаю, спал ли я в пятницу, накануне открытия охоты. Наверное, спал. Как обычно перед чем-нибудь захватывающим, долго не смыкал глаз и всё глядел в невидимый в темноте потолок, пока вдруг не провалился в сон. Отец разбудил меня среди ночи. И я тут же вскочил на ноги. В доме все и всё спало, поэтому удивительно, что во мне оказалось столько энергии и бодрости. На кухне горел свет. На моё удивление, там на табурете в углу сидела мама. Она чему-то улыбалась. Посередке кухни лежал большой туристический рюкзак-колобок. Рядом, приставлено к кухонному шкафу с плохо закрытым ящиком, двуствольное ружьё. Чёрный цвет стволов особенно чёрный на белом фоне. Я знаю, что ружьё шестнадцатого калибра. Отец уже полностью одет, даже перепоясан патронташем. Справа в патронташе два самых крайних патрона – это пули, на всякий случай. Они заряжены в пластиковые гильзы с капсюлем жевело. Дальше идёт несколько патронов крупной дроби, а потом латунные гильзы, которые мы заря-

⁴⁵ С приклади – положив ствол ружья на какую-нибудь подставку, пенёк, сломанное дерево, сучок. Иногда так говорят, когда только прижимаешь ствол ружья к дереву.

жали вчера. Вдруг я увидел на стуле свою одежду и стал быстро-быстро одеваться, путаясь в рукавах. Мама весело кивнула отцу в мою сторону.

До реки Пуи прямо в ночи нас довёз на мотоцикле сосед Олег. Отец хотел открыть охоту в родных местах, на плёсе выше Туймина. Олег уехал. Помелькали фары между деревьями и пропали, а потом затих и рокот мотоцикла. Мы остались на полянке одни. Развели огонь, пили чай и разговаривали. На небе высыпали августовские звёзды, большим блином висела луна.

– А может, в луну выстрелишь? – в шутку предложил отец. – Самый первый охоту откроешь?!

Словно изображая выстрел, костёр шёлкнул какой-то дровиной и пустил пучок искр. Я посмотрел на луну. Она была какая-то щербатая, словно кто-то уже стрелял в неё. Отец улыбался, он придерживал над костром на палочке наш маленький котелок, который должен был вот-вот закипеть. Я понял, что отцу очень хорошо, что он выбрался на открытие охоты, сидит у костра вместе со старшим сыном и пьёт чай. Я вдруг засмеялся:

– Нет, не буду стрелять!

– Ну и правильно, а то совсем темно станет.

От костра тепло, пахнет дымком и свежесваренным «с горсти» чёрным чаем. До сих пор, кажется, долетает до меня этот запах крепкой заварки.

Ещё в темноте мы спустились к реке. Сразу почувствовалось, как свежо. Но долго ещё я хранил на лице тепло огня. Перед тем как войти в тёмную воду, отец со скрипом разогнул свои бродни. Потом на куках перенёс меня на другую сторону реки. Вода касалась моих ног, и я специально вытягивал носки, чтоб бороздить её. С берега реки практически не видно, будто и нет вовсе. Прошли немного вверх по течению, и я старался не отставать, а отец заботливо придерживал ветки, чтоб они не хлестнули мне по лицу.

Вскоре мы нашли удобное место, берег здесь спускался двумя уступами-ступенями, а рядом под берёзой, мне на удивление, стояла большая доска. Отец положил её на уступ, и мы сели. Удивительное дело видеть, как пробуждается земля. Вернее сказать, как она рождается.

Помню, я подрёмывал, убаюканный тишиной, и сон мой мешался с явью.

Сначала чирикнули первые птицы. Отец шепнул мне, а может, подумал: «Птицы петь начали – светает». Потом птичьих голосов стало всё больше. Их пение обняло нас со всех сторон. Словно до этого птиц не было, а вот они слетелись. Стало как будто светлее, вернее, ближайшие предметы стали заметнее. Передо мной открылась тёмная река, травинки. Одна из них поднималась из воды, вернее, угадывалась в нескольких метрах и нервно дрожала. Я понял, что эта дрожь – от течения, и стал напряжённо присматриваться. Слышно было, как в реке булькают рыбы, но всё небольшие, а я ждал, когда ударит щука. Я знал, как бьёт щука, по недавней рыбалке. Но сильных всплесков всё не было и не было. А я всё ждал и ждал. Я так сильно подался вперёд и всматривался и вслушивался, что мог упасть и скатиться в реку, и отец осторожно поддерживал меня и чуть пересаживал, но не ругал. А может быть, я засыпал в таком положении и поэтому чуть не падал. Вдруг выше по течению что-то забулькалось, всплески повторялись раз за разом. От первого из них я так вздрогнул, что сон мой как рукой сняло, а на затылке словно сильным ветром волосы взъерошило и открылся какой-то новый орган, чующий по-новому всё, что происходит вокруг. Я повернул лицо с вытаращенными глазами к отцу, всем своим существом потянувшись к всплескам. Отец хотел что-то сказать, но в этот момент там, где плескалось, закрикало. Сразу стало всё понятно. Я выдохнул и сел спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.